

Шри Ауробиндо

Собрание
сочинений

в 35 томах

Шри Ауробиндо

15 том

Идеал человеческого объединения

Человеческий цикл

Война и самоопределение

ББК 87.3(5ИД)
А-93

Sri Aurobindo

**The Human Cycle
The Ideal of Human Unity
War and Self-Determination**

First Edition 1962
Second edition 1970
First impression 1985

© Sri Aurobindo Ashram Trust 1970
Published by Sri Aurobindo Ashram, Publication Department
Printed at Sri Aurobindo Ashram Press, Pondicherry
INDIA

Книга 2

Идеал человеческого объединения

ПРЕДИСЛОВИЕ К ПЕРВОМУ ИЗДАНИЮ

Главы этой книги писались в форме статей, предназначавшихся для ежемесячного ревью “Арья”, и из-за необходимости в быстрой публикации они печатались в порядке написания — без перестановок, необходимых для удобства работы. Они отражают быстрое изменение фаз идей, фактов и возможностей, которые появлялись в ходе европейского конфликта. Более ранние главы были написаны, когда Россия была еще Империей и автократией, дальнейшие части — после русской революции и когда война приближалась к своему концу, но драматические обстоятельства ее завершения, сами по себе неизбежные, не могли быть предвидены. В отношении условий происходившего читатель может руководствоваться тем, что первые четыре главы относятся к 1915 году, следующие двенадцать — к 1916 году, главы 17-28 — к 1917, остальные семь — с начала и до июля 1918 года. Быстрая перемена отраженных обстоятельств послужит иллюстрацией быстроты эволюции, благодаря которой то, что было в начале колеблющейся идеей и сомнительной возможностью стало утвердившейся неизбежностью, пробуждающей быструю формулировку.

Последующие события сделали определенные спекуляции и предположения неактуальными, ибо они были разрешены логикой событий. Австрия — имя прошлого, Империя Гогенцоллеров исчезла как сновидение, вся Европа между Рейном и Волгой стала республиканской. Наконец, самое важное, Лига Наций сейчас — дело решенное, американская идея восторжествовала наконец в принципе и претерпевает родовые муки формации. Но главные предположения, выдвинутые в книге, остаются незатронутыми или, скорее, обретают более насущную актуальность. Две главные трудности, связанные с появлением этой первой стадии широкого мирового объединения, еще остаются; первая — трудность организации в одной системе, с одной стороны, немногочисленных остающихся великих империй, немногочисленных, но чрезвычайно возросших в силе, влиянии и степени своей ответственности, с другой — умножившихся в великой степени свободных наций, — ведомых, скорее, силою событий или Силой, вызвавшими их к бытию, чем войной наций и правительствами; и приближающаяся борьба между

Трудом и Капитализмом. Первая — это только затруднение, хотя оно может стать серьезным, если оно превратится в конфликт между империалистической и националистической идеями или воспроизведет в международной схеме борьбу старой олигархической и демократической тенденций в новой форме, вопрос между контролем над мировой системой посредством воли и влияния нескольких мощных имперских Государств и свободным и равным контролем, осуществляемым всеми, маленькими нациями и великими, европейскими, американскими и азиатскими народами. Вторая — это опасность, которая может вести даже к дезинтеграции этой первой попытки объединения, особенно если, как, похоже, следует из наметившейся тенденции, Лига примет политику управления миром, направленную против сил крайнего революционного социализма. С другой стороны, конфликт может ускорить, каким бы ни был его результат, неизбежность и актуальность более тесной и точной системы, наконец, приход второй стадии объединения.

Главные проблемы, развернутые на этих страницах, также остаются неразрешенными ходом событий, — неизбежность объединения жизни человечества как результат тех императивных естественных сил, которые всегда ведут к созданию все более и более обширных человеческих агрегатов, выбор принципов, которым могут последовать в процессе, необходимость сохранения и доведения до полноты принципа индивидуальной и групповой свободы внутри человеческого объединения и недостаточность формального объединения без роста той религии человечества, которая одна может дать ему совершить великое психологическое продвижение в духовной эволюции расы.

ГЛАВА I

ПОВОРОТ К ОБЪЕДИНЕНИЮ: ЕГО НЕОБХОДИМОСТЬ И ОПАСНОСТИ

Поверхностные стороны жизни легки для понимания; их законы, характерные движения, практические выгоды готовы для использования, и мы можем ухватить их и добиться от них отчета с достаточной легкостью и быстротой. Но они не уводят нас очень далеко. Они достаточны для ежедневной активной поверхностной жизни, но они не разрешают великих проблем существования. С другой стороны, знание глубин жизни, ее могучих секретов, ее великих, сокрытых, всеобуславливающих законов крайне трудно для нас. Мы не нашли лота, который мог бы измерить эти глубины; они кажутся нам смутным, неопределенным движением, глубокой неясностью, от которой разум охотно отшатывается, чтобы играть с рябью, пеной и легкими бликами поверхности. Все же, именно эти глубины и их незримые силы мы должны знать, если мы хотим понять существование; на поверхности мы получаем только второстепенные правила Природы и незначительные практичные законы, которые помогают нам преодолевать сиюминутные трудности и эмпирически организовывать без их понимания ее постоянные переходы.

Нет ничего столь неясного для человечества или неподдающегося его пониманию, чем его собственная общественная и коллективная жизнь, — идет ли речь о силе, что движет ею, или о смысле цели, к которой она движется. Социология не помогает нам, ибо она дает нам только общую историю прошлого и внешние условия, в которых общество существовало. История не учит нас ничему; она является путаной стремниной событий и персон или калейдоскопом меняющихся институтов. Мы не улавливаем реального значения всей этой перемены и этого постоянного потока человеческой жизни, текущего вперед по каналам Времени. Что мы улавливаем, это нынешние или повторяющиеся феномены, несложные обобщения, частичные идеи. Мы говорим о демократии, аристократии и автократии, коллективизме и индивидуализме, империализме и национализме, Государстве и коммуне, капитализме и труде; мы выдвигаем поспешные обобщения и выстраиваем абсолютные системы, позитивно провозглашаемые сегодня только для того, чтобы волей-

неволей быть отвергнутыми завтра; мы поддерживаем доводы и пылкий энтузиазм, чей триумф быстро превращается в разочарование, и затем бросаем их ради других, вероятно, ради тех, которые мы когда-то уже разрушали с таким усердием. Ибо целое столетие человечество стремится и сражается за свободу и зарабатывает ее горькой мерой труда, слез и крови; а столетие, которое наслаждается ею, не боровшись за нее, отворачивается от нее как от ребяческой иллюзии и готово отвергнуть добытые достижения в уплату за некое новое благо. И все это происходит потому, что вся наша мысль и деятельность в отношении нашей коллективной жизни поверхностны и эмпиричны; они не ищут, не возводят себя на прочном, глубоком и полном знании. Мораль — не в тщете человеческой жизни, ее пылких устремлений и энтузиазма, ее идеалов, которые она преследует, а в необходимости более мудрых, широких, более терпеливых поисков ее истинного закона и цели.

Сегодня идеал человеческого объединения более-менее отчетливо прокладывает себе путь к поверхности нашего сознания. Появление идеала в человеческой мысли всегда является знаком намерения в Природе, но не всегда намерением осуществить; иногда он служит индикатором лишь попытки, которой предуготована временная неудача. Ибо Природа медлительна и терпелива в своих методах. Она берет идеи и доводит их до половины, затем роняет их на обочине, чтобы поднять в какой-то грядущей эпохе в лучшей комбинации. Она искушает человечество, ее мыслящий инструмент, и пробует, насколько оно готово для гармонии, которую она задумала; она позволяет и побуждает человека пытаться и падать, чтобы он мог научиться и действовать с большим успехом в другой раз. Все же, идеала, пробившего однажды себе путь в передние палаты мысли, безусловно, должно пытаться добиться, и этот идеал человеческого объединения, похоже, широко фигурирует среди обуславливающих сил будущего; ибо интеллектуальные и материальные обстоятельства эпохи подготовили и почти навязывают его, особенно научные открытия, которые сделали нашу землю такой маленькой, что ее широчайшие царства выглядят сейчас не более, чем провинции одной страны.

Но сам этот продукт материальных обстоятельств может привести к неудаче идеала; ибо когда материальные обстоятельства благосклонны к великой перемене, но сердце и ум расы ре-

ально не готовы, — особенно сердце, — можно предсказать неудачу, если только люди не поумнеют вовремя и не примут внутреннюю перемену наряду со внешней переделкой. Однако в настоящем человеческий интеллект настолько механизирован физической Наукой, что он, похоже, попытается осуществить революцию, которую он начинает рассматривать, принципиально или единственно механическими средствами, социальным и политическим регулированием. Сейчас не социальными и политическими устройствами или, во всяком случае, не главным образом или единственно, объединение человеческой расы может быть долговечно или плодотворно осуществлено.

Следует помнить, что более великое социальное или политическое объединение не обязательно является благом само по себе; оно заслуживает усилий лишь постольку, поскольку оно дает средства и каркас для лучшей, более богатой, более счастливой и мощной индивидуальной и политической жизни. Но до настоящего времени опыт человечества не был благосклонен к той точке зрения, что огромные конгломераты, тесно объединенные и точно организованные, благоприятны для богатой и мощной человеческой жизни. Скорее, может сложиться впечатление, что коллективной жизни легче с собой, что она обильнее, разнообразнее, плодороднее, когда она может сконцентрироваться на маленьких пространствах и в более простых организациях.

Если мы рассмотрим прошлое человечества, насколько оно известно нам, мы найдем, что интересующими нас периодами человеческой жизни, сценами, на которых она протекала богаче всего и где она оставила за собой самые драгоценные плоды, были как раз те эпохи и страны, где человечество было способно организовать себя в маленьких независимых центрах, интимно воздействующих друг на друга, но не сплавленных в единое объединение. Современная Европа обязана двумя третями своей цивилизации трем таким высшим движениям человеческой истории, — религиозной жизни массы племен, которые называли себя Израилем, а впоследствии — маленькой нации евреев; многосторонней жизни мелких греческих полисов; и похожей, хотя и более ограниченной артистической и интеллектуальной жизни средневековой Италии. Никакая эпоха в Азии не была столь богатой в своей энергии, столь ценной для жизни, столь продуктивной в своих лучших и самых долговечных плодах, чем героический период Индии, когда она была разделена на малень-

кие царства, многие из которых были не больше ее современного района. Самые чудесные ее дела, ее самая энергичная и долговечная работа, которую, если бы нам пришлось выбирать, нам нужно было бы сохранить, даже пожертвовав всем остальным, принадлежала этому периоду; второй наилучший период пришел позднее в более обширных, но еще относительно маленьких нациях и царствах, таких, как государство Паллаво, Чалукьи, Пандьев, Чола и Чера. Она получила сравнительно мало от более великих империй, которые поднялись и исчезли на ее пространствах, от Могулов, Гуптов или Маурья, действительно мало, не считая политической и административной организации, немногих произведений прекрасного искусства и литературы и работ в других областях, не всегда лучшего качества. Они стремились, скорее, к детально разработанной организации, чем к организации оригинальной, стимулирующей и созидательной.

Но все же, в этом режиме маленьких городов-государств или региональных культур всегда был дефект, который вынуждал их следовать тенденции к обширным организациям. Дефектом была характерная черта преходящести, часто беспорядка, особенно беззащитности перед нападением более обширных организаций, равно как и недостаточная способность для широкого распространения материального благополучия. Поэтому эта более ранняя форма коллективной жизни имела тенденцию исчезать и уступать место организациям наций, царств и империй.

И здесь мы замечаем, во-первых, что именно группировки, состоящие из меньших наций, вели самую интенсивную жизнь, а не огромные государства и колоссальные империи. Коллективная жизнь, рассеянная на слишком обширных пространствах, похоже, теряет интенсивность и продуктивность. Европа жила в Англии, Франции, Нидерландах, Испании, Италии, маленьких германских государствах — вся ее последующая цивилизация и прогресс разворачивались там, не в огромных массах Священной Римской Империи или Российской Империи. Мы видим сходный феномен в социальной и политической сферах, когда мы сравниваем интенсивную жизнь и деятельность Европы в ее многочисленных нациях, обильно воздействующих друг на друга, быстро прогрессирующих стремительными созидательными шагами, а иногда — ограничениями, с великими массами Азии, ее долгими периодами неподвижности, в которых войны

и революции выглядят маленькими, временными и обычно непродуктивными эпизодами, ее веками религиозных, философских и артистических мечтаний, ее тенденцией к возрастающей изоляции и финальной стагнации внешней жизни.

Во-вторых, мы замечаем, что в этой организации наций и царств, те, что вели самую энергичную жизнь, добились ее своего рода искусственной концентрацией жизненной энергии в каком-то центре или столице, в Лондоне, Париже, Риме. Этим приемом Природа, достигая выгод более обширной организации и более совершенного объединения, сберегает до некоторой степени эту равно драгоценную способность плодотворной концентрации на маленьком пространстве и в плотно спрессованной деятельности, способностью, которой она овладела в ее более примитивной системе городов-государств или маленьких царств. Но это преимущество было обретоено осуждением остальной организации, района, провинциального города, деревни, на тупую, мелкую и сонную жизнь в странном контрасте с витальной интенсивностью больших городов или метрополий.

Римская Империя является историческим примером организации объединения, которое превосходило границы нации, и ее положительные и отрицательные стороны были совершенно типичны. Ее достоинствами были превосходная организация, мир, безопасность, порядок и материальное благополучие; недостатком было то, что независимая жизнь индивида, города, региона была принесена в жертву и стала механической частью машины: жизнь утратила свой цвет, богатство, разнообразие, свободу и победоносный импульс к творению. Организация велика и превосходна, но индивидуальное нивелировано, переселено, утоплено в тени; и в конце концов из-за малости и хилости индивидуального огромный организм неизбежно и медленно утрачивает даже свою великую консервативную жизненную силу и умирает от возрастающей стагнации. Даже когда внешне структура остается целостной и незатронутой, она прогнивает и начинает крошиться и рассыпаться при первом ударе извне. Такие организации, такие периоды в огромной степени полезны для консервации, как Римская Империя, которая послужила суммированию плодов тех богатых веков, что предшествовали ей. Но они останавливают жизнь и рост.

Мы видим, далее, что, похоже, случиться, если произойдет социальное, административное и политическое объединение

человечества, такое, как то, о котором начинают мечтать в наши дни. Потребуется огромная организация, под которой и индивидуальная, и региональная жизнь будут раздавлены, нивелированы, лишены необходимой свободы, как растение без дождя, ветра и солнца, и это будет означать для человечества, вероятно, после первой вспышки удовлетворенной и радостной активности, долгий период простой консервации, возрастающей стагнации и распада в конце.

И, все же, объединение человечества очевидно является частью эвентуальной схемы Природы и должно прийти. Только оно должно осуществиться в других условиях и с гарантиями его безопасности, которые сохранят корни его жизненной силы широко разросшимися в своем единстве.

ГЛАВА II

НЕСОВЕРШЕНСТВО ПРОШЛЫХ АГРЕГАТОВ

Весь процесс Природы зависит от баланса и постоянной тенденции к гармонии между двумя полюсами жизни — индивидуальным, который вскармливается целым или совокупным, и целым, или совокупным, которому индивидуальное помогает образоваться. Человеческая жизнь не является исключением из правила. Поэтому совершенство человеческой жизни должно включать разработку еще недостигнутой гармонии между двумя этими полюсами нашего существования, индивидуальным и социальной совокупностью. Совершенным обществом будет то, которое наиболее полно будет способствовать совершенству индивида; совершенство индивида будет неполным, если оно не помогает совершенному состоянию социальной совокупности, которой он принадлежит, и в конечном итоге самой обширной из возможных человеческой совокупности, всему объединенному человечеству.

Ибо постепенный процесс Природы являет запутанное дело, мешающее индивидуально состоять в чистых и прямых отношениях с тотальностью человечества. Между ним и этим слишком обширным необъятным целым встают, отчасти как помощники, отчасти как помехи финальному единству, меньшие агрегаты, которые было необходимо сформировать в прогрессивных стадиях человеческой культуры. Ибо препятствия пространств, трудности организации и ограничения человеческого сердца и ума делали необходимой формацию сперва маленьких, затем все больших и больших агрегатов, чтобы человек мог постепенно учиться прогрессивным приближением, пока он не будет готов к финальной универсальности. Семья, коммуна, клан или племя, класс, город-государство или совокупность племен, нация, империя и являются многочисленными стадиями в этом прогрессе и постоянном расширении. Если бы меньшие агрегаты разрушались, как только большие были успешно сформированы, эта градация в своем результате страдала бы от неполноты; но Природа не следует этому курсу. Она редко полностью разрушает те типы, которые она однажды сделала, или разру-

шает лишь то, от чего больше нет никакой пользы; остальное она сохраняет, чтобы оно служило ее нужде или ее стремлению к разнообразию, богатству, многогранности, и лишь стирает разделяющие линии или модифицирует характеристики и отношения в мере, достаточной, чтобы служить более широкому объединению, которое она создает. Поэтому человечество на каждом шагу сталкивается с различными проблемами, которые встают из-за трудности согласования не только интересов индивида и огромного агрегата, общества, но и потребностей и интересов меньших объединений с ростом этого большего целого, которое включает в себя их всех.

История сохранила для нас повсеместные примеры этих родовых мук, примеры успеха и неудачи, которые учат многому. Мы видим усилие, направленное на объединение племен среди семитских наций, евреев и арабов, окончившееся у одних расколом на два государства, что оставалось постоянным источником слабости еврейской нации, преодоленной лишь на время, у других — внезапной объединяющей силой Ислама. Мы видим неудачу родовой жизни в попытке комбинации в организованном национальном существовании у кельтских рас, полную неудачу в Ирландии и Шотландии, преодоленную только уничтожением родовой жизни иностранным правлением и культурой, преодоленную только в последний момент в Уэльсе. Мы видим неудачу городов-государств и маленьких региональных народов в попытке соединиться в истории Греции, замечательный успех сходного усилия Природы в развитии римской Италии. Все прошлое Индии на протяжении последних двух тысяч лет и более было попыткой, тщетной, вопреки многочисленным приближениям к успеху, преодолеть центробежную тенденцию экстраординарного количества и разнообразия самых разных элементов, семьи, коммуны, рода, касты, маленького регионального государства или народа, большой языковой группы, религиозного сообщества, нации в нации. Мы можем, вероятно, сказать, что здесь Природа пыталась поставить эксперимент не имевшей параллелей комплексности и потенциального богатства, аккумулирующий все возможные трудности, чтобы прийти к самому обильному результату. Но в конце проблема оказалась неразрешимой или, по крайней мере, не была решена, и Природа была

вынуждена прибегнуть к ее обычному *deus ex machina*¹ разрешению — действию иностранной силы.

Но даже при том, что нация достаточно организована, — самое широкое объединение, с успехом развитое Природой, — полное объединение еще не достигнуто. И если никаких других элементов диссонанса не остается, все же конфликт классов возможен всегда. И этот феномен ведет нас к другому правилу этого постепенного развития Природы в человеческой жизни, которое мы найдем крайне важным, когда подойдем к вопросу об осуществимом человеческом объединении. Совершенство индивида в совершенном обществе или в конечном итоге в совершенном человечестве — совершенство всегда понимается в относительном и прогрессирующем смысле — является неизменной целью Природы. Но прогресс всех индивидов в обществе не следует *pari passu*, равным и равномерным маршем. Некоторые продвигаются, другие остаются неподвижными, — абсолютно или относительно, — другие следуют вспять. Следовательно, внутри самого сообщества неизбежно появление доминантного класса, точно так же, как в постоянном столкновении между сообществами неизбежно появление доминантных наций. Тот класс будет преобладать, который разовьет более совершенно тот тип, в котором Природа будет нуждаться более всего для своего прогресса или, возможно, для своего регресса. Если она требует силы и твердости характера, появляется доминантная аристократия; если знания и науки — доминантный литературный класс или класс эрудитов; если практической способности, мастерства, экономики и эффективной организации — доминантный буржуазный класс или класс вайшьев, обычно, с юристом во главе; если требуется, скорее, диффузия, чем концентрация общего благополучия, и сплоченная организация труда, тогда становится возможным доминирование класса ремесленников.

Но этот феномен, доминантных ли классов, или доминантных наций, никогда не может быть более, чем временной необходимостью, ибо финальной целью Природы в человеческой жизни не может быть эксплуатация многих немногими или

¹ “Бог из машины” — Прием в искусстве и литературе, когда, за неимением способа разрешить трудность, это делало автоматическое вмешательство свыше (лат.)

даже немногих многими, никогда не может быть совершенство кого-то за счет жалкого опускания и невежественного подчинения массы человечества; это может быть только преходящими устройствами. Поэтому мы видим, что такие доминанты всегда несут в себе семя своего собственного разрушения. Они должны уйти либо изгнанием, либо уничтожением эксплуатирующего элемента, или же сплавлением и уравниванием. Мы видим в Европе и Америке, что доминантный Брамин и доминантный Кшатрий были или упразднены, или в своем спуске находятся в точке равенства с общими массами. Остаются только два жестко обособленных класса, доминантный класс имущих и класс трудящиеся, и все самые заметные движения сегодняшнего дня нацелены на отмену этого последнего превосходства. В этой нынешней тенденции Европа повиновалась одному великому закону прогрессивного марша Природы, ее движению к финальному равенству. Абсолютное равенство, конечно, и не ставится целью, и невозможно, точно также, как абсолютное единообразие и невозможно, и в высшей степени нежелательно; но фундаментальное равенство, которое сделает игру настоящего превосходства и различия безопасной, по своей сути неотъемлемо от любой мыслимой способности человеческой расы на совершенство.

Поэтому лучшим советом для доминантного меньшинства всегда будет своевременное признание часа отречения и передачи своих идеалов, качеств, культуры, опыта остальному обществу или такой его части, которая готова для этого прогресса. Где это делается, социальный агрегат продвигается нормально, без срывов, серьезных ран или нарушений; в противном случае ему будет навязан неупорядоченный прогресс, ибо Природа не позволит человеческому эгоизму вечно бороться против ее твердого намерения и потребности. Там, где доминантные классы с успехом избегли ее требования к ним, общественный агрегат ждет, похоже, самая худшая судьба, — как в Индии, где финальный отказ Брамина и других привилегированных классов поднять основную массу нации насколько это возможно к их уровню, их фиксация несоединимой мостом бездны превосходства между ними и остальным обществом стали главной причиной эвентуального заката и вырождения. Ибо там, где ее намерения сорваны, Природа неизбежно убирает назад свою силу из нарушающего объединения, пока не введет и не использует иные, внешние средства, чтобы свести препятствие к нулю.

Но даже если объединение внутри сделано настолько совершенным, насколько совершенным его может сделать социальный, административный и культурный механизм, еще остается вопрос индивида. Ибо эти общественные объединения или агрегаты не похожи на человеческое тело, в котором клетки-компоненты способны на жизнь, не обособленную от агрегата. Человек-индивид имеет тенденцию существовать в себе и превосходить границы семьи, рода, класса, нации; и даже эта самодостаточность, с одной стороны, и эта универсальность, с другой, являются сущностно неотъемлемыми элементами его совершенства. Поэтому, точно так же, как системы социального агрегата, которые зависят от доминирования класса или классов, должны измениться или исчезнуть, так и серийные агрегаты, которые стоят на пути этого совершенства индивида и стремятся ограничить его внутри своей ограниченной формы, ригидности узкой культуры и мелких классовых или национальных интересов, должны увидеть свои пределы и свой час перемены или деструкции под неотразимым толчком прогрессирующей Природы.

ГЛАВА III

Группа и индивид

Постоянный метод Природы, когда она должна примирить два элемента гармонии, — продвигаться сперва долгим продолжительным балансированием, в котором она порой выглядит целиком накренившейся в одну сторону, порой — в другую, порой — скорректировавшей оба излишества более-менее успешной временной регулировкой и смиряющим компромиссом. Тогда оба элемента выступают оппонентами, необходимыми друг для друга, которые трудятся, чтобы достигнуть какого-то разрешения их борьбы. Но поскольку каждый обладает своим эгоизмом и той врожденной тенденцией всех вещей, которые побуждают его не только на самосохранение но и на самоутверждение в пропорции с доступной ему силой, каждый стремится достигнуть решения, в котором он сам будет играть максимальную роль и всецело доминировать, если это возможно, или же полностью поглотить эгоизм другого в свой собственный эгоизм. Так прогресс к гармонии осуществляется борьбой сил и часто выглядит усилием, направленным вовсе не на согласие или взаимное урегулирование, а на взаимное поглощение. Результат такого поглощения, не одного другим, а друг друга, когда каждый живет всецело в другом и как другой, является нашим высшим идеалом объединения. Это — последний идеал любви, которого, не ведая, старается достигнуть борьба; ибо борьбою можно достигнуть только согласования двух противоположных требований, а не стабильной гармонии, компромисса между двумя конфликтующими эгоизмами, а не сплавления их друг с другом. Все же, борьба ведет к возрастающему взаимному пониманию, которое в конечном итоге делает достижение реального единства возможным.

В отношениях между индивидом и группой эта постоянная тенденция Природы выглядит борьбою между двумя равно глубоко укоренившимися человеческими тенденциями, индивидуализмом и коллективизмом. На одной стороне — растущая власть, совершенство и развитие Государства, на другой — очевидная свобода, совершенство и развитие индивидуального человека. Государственная идея — маленькая или большая живая машина — и человеческая идея — все более отчетливая и свет-

лая Персона, растущий Бог — стоят в постоянной оппозиции. Размер Государства не играет никакой роли для сути этой борьбы и не сказывается на ее характерных чертах. Это была семья, племя или город, *polis*; это стало родом, кастой и классом, *kula* и *gens*¹. Сейчас это — нация. Завтра или послезавтра этим может стать все человечество. Но даже тогда будет оставаться вопрос баланса между человеком и обществом, между самоосвобождающейся Персоной и поглощающей коллективностью.

Если мы принимаем во внимание только доступные факты истории и социологии, мы должны предположить, что наша раса начала с довлеющей надо всем группы, которой индивид был всецело подчинен, а эта возрастающая индивидуальность является обстоятельством человеческого роста, плодом растущего сознательного Разума. Первоначально, мы можем предположить, человек был совершенно стадным существом, объединение с другими — его первой необходимостью для выживания, поскольку выживание является первой потребностью любого существа, индивид не мог быть ничем иным, кроме как инструментом для силы и безопасности группы, и если мы добавим к силе и безопасности рост, эффективность, самоутверждение, равно как и самосохранение, это — все еще доминирующая идея всякого коллективизма. Этот поворот дела является необходимостью, рожденной обстоятельством и окружением. Глядя больше в фундаментальные вещи, мы постигаем, что в Материи единообразие является признаком группы; свободная вариация и индивидуальное развитие прогрессирует с ростом Жизни и Разума. Если, в таком случае, мы предположим, что человек является продуктом эволюции ментального существа в Материи и из Материи, мы должны признать, он начинает с единообразия и подчинения индивидуального и продвигается к разнообразию и свободе индивидуального. Необходимость, продиктованная обстоятельством и окружением, и неизбежный закон фундаментальных принципов бытия будут в таком случае указывать на тот же вывод, на один и тот же процесс этой исторической и доисторической эволюции.

¹ *kula* — семейный клан (санскр.); *gens* — роды, кланы в Древнем Риме (англ.)

Но существует также древняя традиция человечества, игнорировать которую или сводить которую до простого вымысла всегда небезопасно, которая говорит, что социальному государству предшествовало другое, свободное и не социальное. Согласно современным научным идеям, если такое государство когда-либо существовало, а в этом нет никакой уверенности, оно должно было быть не просто асоциальным, но антисоциальным, это должно было быть состоянием человека как изолированного животного, живущего, как хищный зверь, прежде чем он стал в процессе своего развития стадным животным. Но эта традиция относится, скорее, к золотой эре, в которой он был свободно социальным без социума. Не связанный законами или институтами, а ограниченный естественным инстинктом свободного знания, он носил правильный закон своей жизни в себе и не нуждался ни в хищном преследовании своих близких, ни в том, чтобы сгибаться под железным ярмом коллектива. Мы можем сказать, если угодно, что здесь поэтическое или идеализирующее воображение сыграло с глубокой памятью расы; первый оцивилизованный человек читал свой растущий идеал свободного, неорганизованного, счастливого сообщества в своей расовой памяти, хранящей неорганизованное, дикое и антисоциальное существование. Но возможно также, что наш прогресс был развитием не по прямой линии, а по спиральям циклов и что в этих циклах были периоды, по крайней мере частичной реализации, когда люди были способны жить в соответствии с высокими мечтами философского Анархизма, объединенные внутренним законом любви, света и правильного существования, правильной мысли, правильного дела, а не принуждаемые к объединению царствами и парламентами, законами и органами правопорядка и наказания со всем тем тиранически тяжелым, жалким или великим, подавлением и репрессией и уродливой свитой эгоизма и испорченности, которые сопровождают правительство принуждения человека человеком. Возможно даже, что наше первоначальное государство было инстинктивной животной спонтанностью свободного и плодотворного сообщества и что наше финальное идеальное государство будет освещенной, интуитивной спонтанностью свободного и плодотворного сообщества. Нашей судьбой может быть превращение изначальной животной ассоциации в сообщество богов. Наш прогресс может быть извилистым кругом, ведущим от легкого и спонтанного единообразия

и гармонии, отражающих Природу, к овладевшему собой единству, отражающему Божество.

Как бы то ни было, история и социология говорят нам только — оставляя в стороне попытки религиозных и иных идеализаций достигнуть либо свободного одиночества, либо свободной ассоциации — о человеке как индивидууме в более или менее организованной группе. И в группе всегда есть два типа. Один утверждает Государственную идею в ущерб индивидуальному, — античная Спарта, современная Германия; другой соглашается на превосходство Государства, но ищет в то же время возможности дать столько свободы, силы и достоинства индивиду, сколько будет совместимо с государственным контролем над индивидами, образующими его, — античные Афины, современная Франция. Но к этим двум был добавлен третий тип, который подчиняет Государство как только может индивиду, который бесцеремонно утверждает, что оно существует для его роста и отстаивает свою свободу, достоинство, зрелость, опыт со смелой верой, что, в конечном итоге, высшая возможная свобода, достоинство и зрелость индивида и являются лучшей гарантией благополучия, силы и экспансии Государства. Великим представителем этого типа до недавнего времени была Англия, — Англия оказалась свободной, процветающей, энергичной, непобедимой благодаря именно силе этой идеи в ней, благословленной Богами беспрецедентной экспансией, властью и везением, потому что она никогда не боялась повиноваться этой великой тенденции и рисковать в этом великом стремлении и часто даже следовать ей за пределы своего собственного островного эгоизма. К несчастью, этот эгоизм, дефекты расы и гипертрофированное утверждение ограниченной идеи, что является отметкой нашего человеческого неведения, помешали ей придать ей благороднейшее и самое богатое из возможных выражение или достигнуть благодаря ей иных результатов, которых более строго организованные Государства достигли или достигают. И в последствии мы находим коллективную или Государственную идею сокрушающей старую английскую традицию и, возможно, перед долгим великим экспериментом мы с прискорбием констатируем ее падение под весом принятой германской “дисциплины” и “эффективной” организации, к которым все цивилизованное человечество сейчас, похоже, тяготеет. Можно спросить себя, было ли это действительно необходимым, не могли ли, благо-

даря более смелой вере, освещенной более гибким и бдительным интеллектом, все желанные результаты быть достигнуты новым и более свободным методом, который сохранил бы при этом *dharma* расы целой и невредимой.

Мы должны, опять же, отметить другой факт в связи с требованием Государства подавлять индивида в своих собственных интересах, и принципу здесь совершенно неважно, какие формы может избрать Государство. Тирания абсолютного монарха надо всеми и тирания большинства над индивидом — которая парадоксом человеческой природы в реальности превращается в гипнотическое притеснение и репрессию большинством самое себя — являются формами одной и той же тенденции. Каждый, когда он провозглашает себя Государством с его абсолютным “*L'état, c'est moi*”¹, произносит глубокую истину, даже когда он основывает эту истину на лжи. Истина состоит в том, что каждый действительно является самовыражением Государства в его характерной попытке подчинить себе свободную волю, свободную деятельность, способность, достоинство и самоутверждение индивидов, составляющих его. Ложь лежит в базовой идее, что Государство является чем-то более великим, чем индивиды, составляющие его, и может безнаказанно для себя и для высшей надежды человечества присваивать себе это подавляющее превосходство.

В нынешние времена идея Государства после долгой паузы вновь утверждает себя во всей полноте и определяет мысль и деятельность мира. Она поддерживает себя двумя мотивами; один апеллирует ко внешним интересам расы, другой — к ее высшим моральным тенденциям. Она требует, чтобы индивидуальный эгоизм принес себя в жертву коллективным интересам; она заявляет, что человек должен жить не для себя, а для целого, для группы, коллектива. Она утверждает, что надежда на благо и прогресс человечества — в эффективности и организации Государства. Ее путь к совершенству пролегает через упорядочивание Государством всех экономических и витальных систем индивида и группы, “мобилизацию”, выражение, которое Война

¹ “Государство — это я” — Людовик XIV.

ввела в моду, интеллекта, способности, ума, эмоции, жизни индивида, всего, что он есть и что он имеет, Государством в интересах всех. Доведенное до своего кульминационного вывода, это означает социалистический идеал во всей его силе, и именно к этому выводу человечество, похоже, склоняется с бросающейся в глаза быстротой. Государственная идея рвется к власти над умами с великой движущей силой, и она готова сокрушить под своими колесами все, что конфликтует с ее силой или утверждает право других человеческих тенденций. И все же, эти две идеи, на которых она основывает себя, полны той фатальной смеси истины и лжи, которая преследует все наши человеческие требования и утверждения. Их необходимо окунуть в растворитель ищущей и беспристрастной мысли, которая отказывается обманываться словами, если мы не хотим описать беспомощно другой круг иллюзии, прежде чем вернемся к глубокой и комплексной истине Природы, которая должна быть нашим светом и гидом.

ГЛАВА IV

НЕАДЕКВАТНОСТЬ ГОСУДАРСТВЕННОЙ ИДЕИ

Чем же, в конце концов, является эта Государственная идея, эта идея организованного сообщества, которой индивид должен быть принесен в жертву? Теоретически, провозглашается подчинение индивидуума общему благу, практически, это подчинение коллективному эгоизму, политическому, милитаристскому, экономическому, который стремится удовлетворить определенные коллективные цели и амбиции, сформированные и навязанные великой массе индивидов большим или меньшим числом правящих персон, которые, считается, неким образом представляют сообщество. Неважно, принадлежат ли они правящему классу или вышли, как в современных Государствах, из массы — отчасти в силу характера, но гораздо в большей степени в силу обстоятельств; не играет и какой-либо существенной роли, что их цели и идеалы навязываются сегодня больше гипнотизмом вербального убеждения, чем явной и подлинной силой. В любом случае нет гарантии, что этот правящий класс или правящая группа представляет лучший ум нации и ее благороднейшие цели или ее высшие инстинкты.

Ничего подобного нельзя сказать о современном политике ни в одной части света; он не является представителем души народа или его устремлений. Что он обычно собой представляет, это всю посредственную убогость, себялюбие, эгоизм, самобман, которые окружают его, и все это он представляет достаточно хорошо, равно как и великое изобилие ментальной некомпетентности и моральной условности, робости и притворства. Великие вопросы часто приходят к нему за решением, но он не обходится с ними великим образом; высокие слова и благородные идеи — у него на устах, но они быстро становятся партийной трескотней. Нездоровье и лживость современной политической жизни очевидны в каждой стране мира, и только загипнотизированная уступчивость всех, даже интеллектуальных классов, в великом организованном обмане кутаает и продлевает болезнь, уступчивость, на которую люди идут во всем, что привычно и что образует нынешнюю атмосферу их жизней. И все же именно этими умами решается, что есть благо всех, именно таким рукам оно должно быть препоручено, именно такому учреж-

дению, называющему себя Государством, индивида все более и более призывают предать управление всеми своими видами деятельности. В действительности, это никоим образом не широчайшее благо всех обеспечивается, а уйма организованных заблуждений и зла с определенной толикой благ, которые содействуют реальному прогрессу, потому что Природа всегда движется вперед посреди всех запинок и достигает своих целей в конце чаще вопреки человеческому несовершенному менталитету, нежели с его помощью.

Но даже если бы правящий инструмент был лучше устроен и имел бы более высокий ментальный и моральный характер, даже если бы удалось найти некий путь, чтобы сделать то, что пытались сделать древние цивилизации со своими правящими классами, следуя определенным высоким идеалам и дисциплинам, все равно, Государство не было бы тем, на что оно претендует в Государственной идее. Теоретически, это — коллективная мудрость и сила сообщества, сделанная эффективной и организованной для общего блага. Практически — то, что контролирует механизмом и управляет ходом событий, наполнено интеллектом и силой, доступными в сообществе, в той мере, в какой конкретная машинерия Государственной организации позволяет им выходить на поверхность; но эти интеллект и сила тоже затягиваются в механизм и портятся им, останавливаются горами глупости и эгоистической слабости, которые выходят из механизма в конечном итоге. Без сомнения, это — лучшее, что может быть сделано в данных обстоятельствах, и Природа, как всегда, утилизирует это наилучшим образом. Но все было бы гораздо хуже, если бы не было оставлено поля для менее стесненного индивидуального усилия, делающего то, что Государство делать не может, раскрывающего и использующего искренность, энергию, идеализм лучших индивидуумов в попытке, которую у Государства нет мудрости или храбрости предпринять, попытке достигнуть того, что коллективный консерватизм и имбецильность либо оставили бы незавершенным, либо активно подавляли бы и чему бы противостояли. Именно энергия индивида является реально эффективным агентом коллективного прогресса. Государство иногда приходит ему на помощь, и тогда, если его помощь не означает неуместного контроля, оно позитивно служит полезному курсу. Как часто оно стоит на пути и служит либо тормозом прогресса, либо источником необходимого ко-

личества организованной оппозиции и трения, всегда нужного, чтобы придать больше энергии и более полную форму новой вещи, которая находится в процессе формации. Но к чему мы сейчас тяготеем, это к такому возрастанию организованной Государственной силы и такой огромной непреодолимой и комплексной Государственной активности, какие либо уничтожат свободное индивидуальное усилие совсем, либо оставят его карликовым и загнанным в немощь. Исчезает необходимая корректировка дефектов, ограничений и неэффективности Государственной машины.

Организованное Государство не является ни лучшим умом нации, ни даже суммой коллективных энергий. Оно оставляет вне своей организованной деятельности и подавляет или бессмысленно угнетает работающую силу и мыслящий ум важного меньшинства, часто тех, кто представляет то, что является в настоящем лучшим и что развивается для будущего. Это — коллективный эгоизм, стоящий гораздо ниже лучшего, на что способно общество. То, чем этот эгоизм является в отношении к другим коллективным эгоизмам мы знаем, и его уродство было недавно навязано зрению и сознанию человечества. Индивидуум, по крайней мере, обычно имеет нечто подобное душе и, во всяком случае, он восполняет дефицит души системой морали и этического чувства, а при дефиците их — страхом перед общественным мнением или, в отсутствии его, страхом перед общественным законом, которого он обычно или должен слушаться, или, по крайней мере, как-то обходить; однако трудность обойти его является препятствием для всех, кроме самых буйных или самых ловких. Но Государство — это существо, которое, обладая величайшей силой, в самой малой степени подвержено внутренним колебаниям или внешнему контролю. Оно не имеет души либо имеет лишь рудиментарную душу. Оно является милитаристской, политической и экономической силой; но лишь в слабой степени, если является вообще, интеллектуальным и этическим существом. И, к несчастью, свой неразвитый интеллект оно использует главным образом для того, чтобы притупить вымыслами, модными словами и, недавно, Государственными философами, свое малоразвитое сознание. Человек в обществе сейчас является, во всяком случае, полудивилизованным созданием, но его интернациональное существование — еще примитивно. До недавнего времени организованная нация в своих отношениях с

другими нациями была только огромным хищным зверем с аппетитами, которые иногда усыпали, когда оно пресыщалось или было обескуражено событиями, но которые были всегда его ключевыми резонами существования. Самозащита и собственная экспансия через поглощение других были его *dharma*. В настоящем здесь нет никакого сущностного улучшения; только поглощать стало труднее. “Священный эгоизм” все еще остается идеалом наций, и поэтому здесь нет ни какого-то истинного и освещенного сознания человеческого мнения, чтобы обуздывать хищническое Государство, ни какого-то эффективного международного закона. Здесь есть только страх поражения и страх, недавно, бедственной экономической дезорганизации; но опыт снова и снова показывает, что эти контролеры неэффективны.

В своей внутренней жизни этот огромный Государственный эгоизм некогда был немногим лучше, чем в своих внешних взаимоотношениях.¹ Брутальный, прожорливый, хитрый, деспотичный, нетерпимый к свободной деятельности, свободной речи и мнению, даже к свободе сознания в религии, он охотился на индивидов и на классы внутри, как и на более слабые нации вовне. Только необходимость сохранения грубым образом живым, богатым и сильным общества, на котором он жил, заставляла его деятельность быть отчасти и грубо благотворной. В нынешние времена здесь имело место значительное улучшение, вопреки ухудшению в определенных направлениях. Государство сейчас чувствует необходимость оправдания своего существования организацией общего экономического и животного благополучия общества и даже всех индивидов. Оно начинает видеть необходимость обеспечения интеллектуального и, косвенно, морального развития всего сообщества. Эта попытка Государства вырасти в интеллектуальное и моральное существо является одним из самых интересных феноменов современной цивилизации. Необходимость интеллектуализации и морализации его в его внешних взаимоотношениях была даже навязана сознанию человечества Европейской катастрофой. Но требование Государ-

¹ Я говорю о промежуточной эпохе между античными и нынешними временами. В древности Государство имело, по крайней мере в некоторых странах, идеалы и сознание в том, что касалось общества, но очень и мало в том, что касалось его взаимоотношений с другими Государствами.

ства поглотить все свободные индивидуальные активности, требование, которое оно делает все более громким по мере все более ясного осознания своих новых идеалов и своих возможностей, является, как бы помягче выразиться, необдуманном, и оно, если его удовлетворить, вне сомнения, закончится остановкой человеческого прогресса, комфортабельно организованной стагнацией, такой, какая охватила Греко-Римский мир после установления Римской Империи.

Призыв Государства к индивидууму пожертвовать собой на алтаре Государства и передать свою свободную деятельность организованной коллективной деятельности является, поэтому, чем-то, совершенно отличным от требований наших высших идеалов. Это сводится к передаче нынешней формы индивидуального эгоизма другой, коллективной форме, более обширной, но не более высокой, скорее, во многих отношениях стоящей ниже лучшего индивидуального эгоизма. Альтруистический идеал, дисциплина самопожертвования, необходимость растущей солидарности между ближними и растущая коллективная душа в человечестве не оспариваются. Но утрата себя в Государстве — не та вещь, которую эти высокие идеалы означают, также и не путь их осуществления. Человек должен учиться не подавлять и калечить себя, а осуществлять себя в осуществлении человечества, равно как он должен учиться не калечить или разрушать, а завершать свое эго, расширяя его за ограничения этого эго и теряя его в чем-то более великом, чьей репрезентацией оно сейчас пытается быть. Однако проглатывание свободного индивида огромной Государственной машиной — совсем другой финал. Государство есть приспособление, скорее неуклюжее, служащее нашему общему развитию; оно никогда не должно делаться самоцелью.

Вторая претензия Государственной идеи, что превосходство и универсальная активность организованной Государственной машины является лучшим средством человеческого прогресса, является тоже преувеличением и фикцией. Человек живет обществом; он нуждается в нем, чтобы развиваться индивидуально, равно как и коллективно. Но правда ли, что управляемая Государством деятельность более всего способна как на совершенное развитие индивида, так и на службу общим целям общества? Это — не правда. Что правда, так это то, что она способна обеспечить кооперативную деятельность индивидов в со-

обществе со всеми необходимыми удобствами и удалять из него не способные к труду и мешающие элементы, которые в противном случае препятствовали бы этой работе. В этом — реальная польза, даваемая Государством. Непризнание возможностей человеческой кооперации было слабостью английского индивидуализма; превращение утилитарной пользы совместной деятельности в оправдание жесткому контролю со стороны Государства является слабостью тевтонской идеи о коллективизме. Когда Государство пытается контролировать совместную деятельность общества, оно обрекает себя на создание чудовищного механизма, что заканчивается крушением свободы, инициативы и серьезного роста человеческого существа.

Государство может действовать грубо и массово; оно неспособно на ту свободную, гармоничную и разумно или инстинктивно варьирующуюся деятельность, которая сопровождает органический рост. Ибо Государство — не организм; оно — машина, и оно работает как машина, без такта, вкуса, деликатности или интуиции. Оно старается производить, но что человечество должно делать здесь, — это расти и творить. Мы видим этот изъян в государственном образовании. Это правильно и необходимо, что образование должно быть предоставлено всем, и здесь Государство явно полезно; но когда оно контролирует образование, оно превращает его в рутину, механическую систему, в которой индивидуальная инициатива, индивидуальный рост и истинное развитие, как противоположности рутинных инструкций, становятся невозможны. Государство всегда тяготеет к униформности, потому что униформа всегда проста, тогда как естественная вариация невозможна для ее механистической по самой своей сути природы. Естественная культура, национальная религия, национальное образование еще могут быть полезным гумном, при условии, что они не вмешиваются в рост человеческой солидарности с одной стороны и в индивидуальную свободу мысли, сознания и развития — с другой; ибо они дают форму человеческой душе и помогают ей внести свой вклад в сумму человеческого достояния; но Государственное образование, Государственная религия, Государственная культура являются неестественным насилием. И то же правило действует в разных формах и в разной степени в иных направлениях нашей общественной жизни и ее активностей.

Дело Государства, так долго, пока оно продолжает оставаться необходимым элементом в человеческой жизни и росте, — предоставлять все возможные условия для совместной деятельности, удалять препятствия, предотвращать всякую реально вредную растрату и трения, — определенная толика растрат и трений необходимы и полезны для всякой естественной деятельности, — и, удаляя несправедливость, которую можно избежать, предоставлять каждому индивиду равные шансы для саморазвития и удовлетворения в соответствии с его способностями и основными чертами его природы. И в этом цель современного социализма правильна и хороша. Но всякое излишнее вмешательство в свободу человеческого роста является или может быть вредной. Даже совместная деятельность вредна, если вместо поисков общего блага, совместимого с потребностями индивидуального роста, — а без индивидуального роста не может быть реального и перманентного общего блага, — она приносит в жертву индивидуума общественному эгоизму и препятствует той свободе и инициативе, которые необходимы для жизненного тока более совершенно развитого человечества. Так долго, пока человечество незрело, так долго, пока оно нуждается в росте и способно на дальнейшее совершенствование, не может быть статичного всеобщего блага, независимого от роста индивидов, составляющих эту всеобщность. Все коллективистские идеалы, которые стремятся неправомерно подчинить индивида, в действительности предлагают статичное состояние, — является ли оно нынешним положением, или предполагается как грядущая надежда, — после утверждения которого всякая попытка серьезной перемены рассматривалась бы как преступление нетерпеливого индивидуализма против мира, спокойной рутины и безопасности счастливо установившегося общественного порядка. Всегда именно индивид прогрессирует и вынуждает прогрессировать остальных; инстинкт коллективности стоит неподвижно в своем установившемся порядке. Прогресс, рост, реализация более обширного бытия дает свое величайшее чувство счастья индивиду; коллективу его дает общественный статус, надежный покой. И так оно и должно быть, пока последний остается больше физической и экономической сущностью, чем самоосознающей коллективной душой.

Поэтому совершенно невероятно, чтобы в том состоянии, в котором сейчас пребывает раса, здоровое единство человечес-

кого рода могло быть принесено Государственной машинерией, будь это группа мощных и организованных Государств, наслаждающихся заботливо отрегулированными и узаконенными отношениями друг с другом, или будь это замена единым Мировым Государством нынешнего наполовину хаотичного организованного сообщества наций, — какой бы формой ни обладало это Мировое Государство — единой Империи ли, подобно Римской, или же федерации. Такое внешнее или административное объединение, возможно, и предполагается в ближайшем будущем человечества, чтобы приучить расу к идее общей жизни и ее возможности, чтобы выработать в нее эту привычку; но оно не может быть реально здоровым, продолжительным или благотворным на протяжении всей подлинной линии человеческой судьбы, если должно быть развито что-то более глубокое, внутреннее и реальное. В противном случае опыт древнего мира будет повторен в большем масштабе и в других обстоятельствах. Эксперимент провалится и уступит место новой перестроечной эпохе хаоса и анархии. Вероятно, этот опыт тоже необходим человечеству, однако мы можем избежать его сейчас подчинением механистических средств нашему истинному развитию посредством проникнутого моралью и даже одухотворенного человечества, объединенного в своей внутренней душе, а не только в своей внешней жизни и теле.

ГЛАВА V

НАЦИЯ И ИМПЕРИЯ: РЕАЛЬНОЕ И ПОЛИТИЧЕСКОЕ ОБЪЕДИНЕНИЯ

Проблема объединения человечества содержит две отчетливые трудности. Сомнительно, что коллективный эгоизм, уже созданный в естественной эволюции человечества, в данное время может быть достаточно модифицирован или отменен и что даже внешнее объединение в какой-то эффективной форме может быть надежно установлено. И есть сомнение, даже если такое внешнее объединение может быть установлено, не будет ли это сделано ценой утраты свободной жизни индивида и свободной игры различных уже созданных коллективных объединений, в которых течет реальная и активная жизнь, и замены их Государственной организацией, которая механизмирует человеческое существование. И отдельно от двух этих сомнений есть третье — может ли реально живое объединение быть достигнуто просто экономической, политической и административной унификацией и не должно ли оно зиждиться, по крайней мере, на мощных началах морального и духовного единства. И по логике вещей этот вопрос следует поставить первым.

На нынешней стадии человеческого прогресса нация является живой коллективной единицей человечества. Империи существуют, но только как политические, не как реальные единицы; в них нет жизни, идущей изнутри, и своим существованием они обязаны силе, навязываемой составляющим их элементам, или же политическому удобству, которое ощущают или на которое соглашаются их составные части или к которому они склоняются внешним миром. Австрия долго была примером подобной империи; она была политическим удобством, к которому ее склонял внешний мир, на которое образующие ее элементы соглашались и которое поддерживалось до недавнего времени силой центрального германского элемента, инкарнировавшего в Габсбургскую династию, а позднее — активной помощью ее венгерского партнера. Если политическое удобство империи такого рода исчезает, если образующие ее элементы больше не соглашаются и с большей энергией увлекаются центробежной силой, если при этом внешний мир больше не поддерживает эту комбинацию, тогда остается одна только сила как

единственный агент искусственного объединения. В действительности, там имелось новое политическое удобство, которое подерживало существование Австрии даже когда она страдала от этой тенденции к распаду, но это было удобство германской идеи, которое делало ее неудобной для остальной Европы и лишало ее согласия важных составляющих элементов, которые тяготели к другим комбинациям, выходящим за рамки австрийской формулы. С того момента существование Австрийской Империи было в опасности и зависело не от какой-то внутренней потребности, а, в первую очередь, от силы австро-венгерского партнерства, направленной на то, чтобы сокрушить славянские нации внутри нее, и, во вторую очередь, от продолжающих оставаться силы и доминирования Германии и германской идеи в Европе, то есть, от одной только силы. И хотя в Австрии слабость имперской формы объединения бросалась в глаза, а обстоятельства ее существования усугублялись, все же эти обстоятельства одинаковы для всех империй, которые не являются одновременно и национальными единицами. Не так давно большинство политических мыслителей признали по крайней мере большую возможность автоматического распада Британской Империи из-за отделения колоний, вопреки тесным связям расы, языка и источника, которые соединяют их с метрополией. Это потому, что политическое удобство имперского объединения, хотя и использовалось колониями, ценилось ими не слишком высоко, и, с другой стороны, там не было живого принципа национального единства. Австралийцы и канадцы начали рассматривать себя, скорее, как новые отдельные нации, чем как члены распространившейся британской национальности. Все сейчас изменяется в обоих направлениях, была открыта более широкая формула, и Британская Империя на данный момент стала пропорционально сильнее.

Тем не менее, кто-то может спросить, зачем нужно проводить такое четкое различие между политическим и реальным объединением, когда имя, отличительные признаки и форма — одни и те же. Это должно делаться потому, что в этом содержится величайшая польза для истинной и глубокой политической науки и несет самые важные последствия. Когда империя, подобная Австрии — не национальная империя — распадается на куски, она гибнет навсегда; там нет внутренней тенденции восстановить внешнее объединение, потому что там нет реаль-

ного внутреннего единства; там есть только политически построенный агрегат. С другой стороны, реальное национальное объединение, разрушенное обстоятельствами, всегда будет следовать тенденции соединиться и вернуть свое единство. Греческая Империя прошла путь всех империй, но греческая нация после многих столетий политического небытия снова получила свое отдельное тело, потому что она сохранила свое отдельное эго и поэтому реально существовала под правлением Турции. Так было и со всеми расами, находившимся под турецким ярмом, потому что мощный сюзеренитет, жестокий во многих отношениях, никогда не пытался стереть их национальные черты или заменить оттоманской национальностью. Эти нации воскресли и воссоздали или попытались воссоздать себя по образу и подобию того, что они постигали своим подлинным национальным чувством. Сербская национальная идея попыталась вернуть и вернула всю территорию, на которой сербы существовали или преобладали. Греция попыталась восстановить себя на всей своей основной территории, на островах и в азиатских колониях, но не смогла восстановить старой Греции, потому что даже Фракия является, скорее, болгарской, чем эллинической. Италия снова стала внешним объединением после многих веков, потому что, даже перестав быть Государством, она никогда не переставала быть единым народом.

Эта истина реального объединения столь сильна, что даже нации, которые никогда в прошлом не образовывали внешнего объединения, к которым Судьба, обстоятельства и сами они были враждебны, нации, которые были исполнены центробежной силы и быстро падали под чужими вторжениями, все же постоянно развивали центростремительную силу и приходили к неизбежности организованного единства. Античная Греция цеплялась за свои сепаратистские тенденции, свои самодостаточные города или региональные государства, свои маленькие испытывающие взаимную неприязнь автономии, но центробежная сила всегда проявлялась в лигах, ассоциациях Государств, сюзеренитетах, подобных Спарте и Афинам. Она реализовалась в конечном итоге, сперва, несовершенно и временно, македонским правлением, затем — достаточно странным развитием через эволюцию Восточного Рима в Греческую и Британскую Империю, и снова воскресла в современной Греции. И в наши дни мы видим уже Германию, вечно расколотую с древних времен, разви-

вающуюся по крайней мере к мощному выходу своего врожденного чувства единства, грозно воплощенного в Империи Гогенцоллеров¹ и возобновляющуюся после своего падения в федеральной Республике. Не будет удивительным для тех, кто изучает работу сил, а не просто ход внешних обстоятельств, если одним из еще далеких результатов Войны будет сплавление одного германского элемента, еще остающегося снаружи, Австро-Германии, в немецкое целое, хотя, возможно, в воплощении отличном от прусской гегемонии или Империи Гогенцоллеров¹. В обоих этих исторических примерах, как и во многих других, в объединении саксонской Англии, средневековой Франции, формировании Соединенных Штатов Америки, это было реальное единство, психологически отчетливая единица, которая тяготела, сперва не ведая о том, подсознательной потребностью своего существа, а впоследствии со внезапным или постепенным осознанием ощущения политического единства, к неизбежному внешнему объединению. Это отчетливая групповая душа, вот кого толкала внутренняя потребность и вот кто использовал внешние обстоятельства, чтобы создать для себя организованное тело.

Но самый яркий пример в истории — это эволюция Индии. Нигде больше центробежная сила ни была столь сильна, многочисленна, комплексна, упряма. Даже время, ушедшее на эту эволюцию, было огромным; бедственные превратности, через которые она должна была пройти на своем пути, были ужасающими. И все же через все это неизбежная тенденция прорабатывалась постоянно, упорно, с тупым, смутным, неумолимым, непреклонным упорством Природы, когда человек противиться ее инстинктивным намерениям, а она, после тысячелетних усилий, в конце концов побеждает. И, как это обычно бывает, когда ей так противостоит ее собственный ментальный и человеческий материал, как раз самые неблагоприятные обстоятельства этот подсознательный работник превратил в свои самые успешные инструменты. Начала центростремительной тенденции в Индии восходят к тем самым ранним временам, записи о кото-

¹ Эта возможность реализовалась на время, но средствами и в обстоятельствах, которые сделали воскрешение австрийского национального чувства и обособленного национального существования неизбежными.

рых есть в нашем распоряжении и которые типизированы в идеале *samrāt* или *cakravartī rājā* и милитаристском и политическом использовании жертвоприношений *aśvamedha* и *rājasūya*. Два великих национальных эпоса были написаны, как будто для того, чтобы проиллюстрировать эту тему; ибо одно описывает установление объединяющей *dharmarājya*, или имперского царствия справедливости, другое стартует с идеализированного описания такого правления, изображаемого как некогда существовавшее в древнем и священном прошлом страны. Политическая история Индии — это история последовательного ряда империй, местных и чужестранных, каждая из которых разрушалась центробежными силами, но каждая из которых подносила центростремительную тенденцию ближе к ее триумфальному появлению. И это — многозначительное обстоятельство, что чем более чужим было правление, тем сильнее была его сила объединения подчиненных народов. Это — всегда верный знак, что эссенциальное национальное единство уже имеет там место, что там есть неделимый национальный виталитет, делающий необходимым неизбежное появление организованной нации. В этом примере мы видим, что конверсия психологического единства, на котором базируется такое явление, как национальность, во внешне организованное объединение, через которое оно в совершенстве реализует себя, заняла более двух тысяч лет и еще не завершилась.¹ Однако, раз суть вещи была там, даже самые грозные трудности и препятствия, даже самая упрямая неспособность на объединение в людях, даже самые дезинтегрирующие удары извне не устояли против упорной подсознательной необходимости. И это — лишь крайняя иллюстрация общего закона.

Она будет полезна, чтобы немного коснуться той помощи, которую дает чужестранное правление процессу формирования нации и увидеть, как он работает. История изобилует такими иллюстрациями. Но в некоторых случаях феномен иностранного доминирования является сиюминутным и несовершенным, в других — долгим и полным, в третьих — часто повторя-

¹ Но следует помнить, что Франции, Германии, современной Италии, каждой потребовалось тысяча или две тысячи лет и более, чтобы сформироваться и установиться в прочном единстве.

емым в различных формах. В некоторых случаях чужестранный элемент отвергался, когда польза от него была исчерпана, в других — он поглощался, в третьих — принимался с большей или меньшей ассимиляцией на более или менее длительные периоды как правящая каста. Принцип один, но осуществляется он Природой разнообразно в соответствии с нуждами каждого конкретного случая. Нет ни одной современной нации в Европе, которая не прошла бы через фазу, более-менее продолжительную, более-менее полную, чужестранного доминирования, чтобы реализовать свою национальность. В России и Англии это было доминирование чужестранной победившей расы, которая быстро стала правящей кастой и была в конце ассимилирована и поглощена, в Испании — последовательность Римлянина, Гота и Мавра, в Италии — правление Австрийца, на Балканах — долгий сюзеренитет Турка, в Германии — недолгое ярмо Наполеона.¹ Но во всех случаях сутью был шок или пресс, который либо пробуждал неопределенное психологическое единство к необходимости организовать себя изнутри, либо ломал, лишал силы духа, энергии, жизненности и реальности самые упрямые факторы разъединения. В некоторых случаях были необходимы даже полная смена названия, культуры и цивилизации, равно как и более-менее глубокая модификация расы. Это было весьма заметно в формации французской национальности. Древние галльские народы, вопреки или, вероятно, из-за их друидной цивилизации и раннего величия, были менее способны организовать прочное политическое объединение, чем даже античные греки или древние индийские царства и республики. Им потребовались римское правление, латинская культура, напластование тевтонской правящей касты и в конце шок временного и частичного английского завоевания, чтобы основать не имеющее себе равных единство современной Франции. И все же несмотря на казалось бы изменившееся имя, цивилизацию и все остальное, сегодняшняя французская нация является и всегда оставалась старой галльской нацией со своими баскскими, гаэльскими, армориканскими и другими античными элементами, модифицированными франкской и латинской примесями.

¹ Здесь была не единая нация, которая шла к объединению, а множество обособленных наций, каждая из которых должна была обнаружить свою сепаративную независимость, или, в некоторых случаях, коалиция родственных народов.

Так, нация является устойчивым психологическим объединением, которое Природа в своих многочисленных трудах развивала в мире в самых разнообразных формах и которое культивировалось в движении к психологическому и политическому единству. Политическое объединение не является сущностным фактором; оно может быть еще не реализовано, однако нация упорно выживает и неизбежно движется к его реализации; оно может быть разрушено, и все же нация выживает, мучается в родах и страдает, но отказывается быть уничтоженной. В прежние времена нации не всегда были реальным и жизнеспособным объединением; племя, клан, община, народы, населяющие регион, были живыми группами. Те объединения, которые в попытке совершить национальную эволюцию разрушили эти более древние живые группы, не достигнув живой национальности, исчезали, как только искусственное или политическое объединение разрушалось. Но сейчас нация выступает как единственная живая групповая единица человечества, в которую все остальные должны погрузиться или которой они должны быть подчинены. Даже старые расовые и культурные объединения бессильны против нее. Каталонец в Испании, бретонец, провансалец и эльзасец во Франции, валиец в Англии могут лелеять знаки своего сепаративного существования, но притяжение более великого живого объединения испанской, французской, британской нации слишком мощно, чтобы эти живучие элементы могли причинить им вред. Нация сегодня практически неразрушима, если только она не умирает изнутри. Польша, разбитая на куски и сокрушенная пятами трех могучих империй, прекратила свое существование; польская нация выжила и снова организовала свое тело. Эльзас после сорока лет германского ига оставался верным своей французской национальности вопреки сходству своего языка и расы с победителем. Все современные попытки разрушить силой или разбить нацию тщетны и глупы, потому что они игнорируют этот закон естественной эволюции. Империи все еще являются подверженными опасностям политическими единицами; нация — бессмертна. И так оно и будет оставаться, пока не будет обнаружено более великое живое объединение, в которое национальная идея может погрузиться в соответствии с его превосходящим притяжением.

И тогда возникает вопрос, не является ли империя именно этим объединением, предначертанным в ходе эволюции. Про-

стой факт, что в настоящем не империя, а нация является живым объединением, не может быть помехой возможной грядущей перестановке их отношений. Очевидно, для такой перемены империя должна перестать оставаться просто политическим объединением и должна стать, скорее, психологическим объединением. И в эволюции нации были примеры, когда политическое объединение преобладало и становилось базисом для психологического объединения, как в случае объединения Шотландца, Англичанина и Валийца в форме британской нации. Нет очевидной причины, почему сходная эволюция не могла бы иметь места в большем масштабе и почему имперское объединение не могло бы заменить национальное. Природа долго страдала в родовых муках имперской группировки, долго старалась дать ей большую силу перманентности, и появление сознательного имперского идеала по всей земле и его попытки, хотя еще грубые, неистовые и слепые, заместить собой национальный идеал, могут быть восприняты, — вовсе не иррационально, — как предвещающий признак одного из тех быстрых прыжков или переходов, которыми она так часто завершает то, что долго и постепенно развивалось ею во множестве экспериментов. В таком случае есть возможность, которую мы должны рассмотреть следующей, прежде чем мы исследуем установленный феномен национальности в отношении к идеалу человеческого объединения. Два разных идеала и, следовательно, две разных возможностей были подведены намного ближе к реализации европейским конфликтом, — федерация свободных наций и, с другой стороны, распределение земли между немногочисленными великими империями или имперскими гегемониями. Практическая комбинация этих двух идей стала самой осязаемой возможностью недалекого будущего. Поэтому необходимо остановиться и решить, является ли один из элементов этой возможной комбинации уже живым объединением, а другой не мог бы в определенных обстоятельствах превратиться в живое объединение и комбинацию в случае своей реализации, стать фундаментом продолжительного нового порядка вещей. В противном случае он не может являться ничем иным, кроме как временным устройством без какой либо возможности стабильной перманентности.

ГЛАВА VI

ДРЕВНИЕ И СОВРЕМЕННЫЕ МЕТОДЫ ИМПЕРИИ

Нужно проводить четкое различие между двумя политическими агрегатами, которые в современном языке равно относятся к слову “империя”. Ибо существует однородная (или гомогенная) национальная империя и неоднородная (или гетерогенная) составная империя. В определенном смысле все империи являются композиционными, во всяком случае, если мы возвращаемся к их источникам; но на практике существует различие между имперским агрегатом, в котором составляющие его элементы не отделены друг от друга выраженным чувством их сепаративного существования в целом, и имперским агрегатом, в котором этот психологический базис обособленности еще в силе. Япония, до абсорбции Формозы и Кореи, была национальным целым и империей только в историческом смысле слова; после этой абсорбции она стала подлинной и составной империей. Германия, опять же, была бы чисто национальной империей, если бы не обременила себя тремя меньшими приобретениями, Эльзасом, Польшей и Шлезвиг-Гольштейном, которые были присоединены к ней не чувством германской национальности, а только военной силой. Давайте предположим, что этот тевтонский агрегат утратил свои чужеродные элементы и приобрел вместо них тевтонские провинции Австрии. Тогда мы имели бы пример гомогенного агрегата, который еще оставался бы империей в историческом смысле слова; ибо это была бы композиция гомогенных тевтонских наций или, как мы можем условно назвать их, субнаций, которые не носили бы в себе естественное чувство сепаратизма, а, скорее, тяготели бы к естественному объединению, которое сформировало бы легко и неизбежно психологическое, а не просто политическое объединение.

Но такую форму в ее чистом виде найти сейчас трудно. Соединенные Штаты являются примером такого агрегата, хотя, исходя из факта управления страной периодически избираемым Президентом, а не наследствующим престол монархом, мы вообще не можем увязать этот тип с империей. Все же, если имперский агрегат должен быть изменен от политического до психологического объединения, похоже, это должно быть сделано

репродуцированием *mutatis mutandis*¹ чего-то от системы Соединенных Штатов, системы, в которой каждый элемент сохраняет достаточную локальную государственную независимость и сепаративную способность законодательной и исполнительной деятельности, но при этом является частью нераздельного более великого агрегата. Легче всего это может быть осуществлено там, где элементы относительно гомогенны, как это могло бы быть в федерации Великобритании и ее колоний.

Тенденция к обширным гомогенным агрегатам проявилась недавно в политической мысли, как в мечте о пангерманической Империи, великой России и панславистской Империи или как в панисламистской идее об объединенном исламском мире.² Но эти тенденции обычно ассоциируются с контролем со стороны гомогенного агрегата над остальными элементами, гетерогенными по отношению к нему, осуществляемым на старых принципах милитаристского и политического принуждения, с удерживанием Россией³ азиатских наций под своей властью, с захватом Германией целиком или отчасти негерманских стран и провинций, с контролем Халифатом немусульманских субъектов⁴. Даже если бы этих аномалий и не было, нынешнее устройство мира с трудом пошло бы на изменение империи на радикальном и культурном базисе. Обширные агрегаты такого рода нашли бы, что анклавов в их владениях населены элементами, всецело гетерогенными по отношению к ним или смешанными. Поэтому, совершенно независимо от сопротивления и отказа родственных наций отречься от лелеемой ими национальности

¹ с необходимыми изменениями (лат.)

² Все они были разбиты эффектом революции и войны, но если национальная идея и выродилась, в последнем случае она еще может возродиться в некоем будущем; во втором, если Коммунизм разрушил национальную идею, она еще остается возможностью.

³ Здесь положение изменилось появлением новой претензией Советского Союза добровольно объединить эти азиатские народы с Россией: но нельзя быть вполне уверенным, является ли это перманентной реальностью, или лишь временным иллюзорным феноменом.

⁴ Две эти империи сейчас исчезли и, похоже, не имеют возможности возродиться.

и сплавиться в комбинациях такого рода, здесь возникла бы эта несовместимость смешанных или гетерогенных факторов, упорно не подчиняющихся идее и культуре, которые стремятся поглотить их. Так, панславистская империя делала бы неизбежным контроль над Балканским Полуостровом со стороны России как премьер-министра Славянского Государства; но такая схема должна была бы столкнуться не только с независимой сербской национальностью и несовершенным славизмом болгар, но и с совершенно несовместимыми румынскими, греческими и албанскими элементами. Поэтому не похоже, что эта тенденция к обширным однородным агрегатам, хотя некоторое время она играла важную роль в истории мира и еще не исчерпала себя и не зашла в тупик, будет эвентуальным решением; ибо даже если она восторжествует, она должна будет встретиться в большей или меньшей степени с трудностями гетерогенного типа. Истинной проблемой империи поэтому остается вопрос, как трансформировать искусственное политическое объединение гетерогенной империи, гетерогенной в радикальной композиции, языке и культуре, в реальное и психологическое объединение.

История дает нам только один великий и определенный пример попытки разрешить эту проблему в таком масштабе и с такими предшествующими обстоятельствами, который вообще можно привести для России, Англии,¹ Франции, перед которыми эта проблема сейчас стоит. Древняя китайская империя из пяти наций, превосходно организованная, не в счет, ибо все составляющие ее части относились к монголоидной расе и не приносили значительных культурных трудностей. Но имперский Рим должен был встретить по существу те же проблемы, что и современники, плюс одно-два очень важных осложнения, и он разрешил их до определенной степени с мастерским успехом. Римская империя прожила несколько веков, и хотя часто подвергалась разрушению, все же своим внутренним принципом единства и своим непреодолимым центростремительным притяжением она торжествовала надо всеми разрушительными тен-

¹ Эта империя так изменила свою форму в форму содружества, что возражение утратило силу; это больше не империя старого мира, а свободное Содружество и подчиненные народы, быстро идущие к самоуправлению.

денциями. Ее единственной неудачей было разделение на Восточную и Западную империи, которое ускорило ее конец. Все же, когда этот конец пришел, это произошло не расколом изнутри, а просто распадом ее жизненного центра. И пока эта центральная жизнь не увяла, давление варварского мира извне, которому ее разрушение ошибочно приписывается, не могло одолеть ее великолепной солидарности.

Рим осуществлял свою власть военными завоеваниями и военной колонизацией; но, завоевав, он не удерживал завоеванное как искусственное политическое объединение, не полагался он единственно и на то политическое удобство от хорошего, эффективного и хорошо организованного правительства, экономически и административно благотворного, которое делало его приемлемым для побежденных народов. Он имел слишком сильный политический инстинкт, чтобы так легко удовлетворяться; безусловно, если бы он остановился на этом, империя разрушилась бы намного раньше. Народы под его властью сохранили бы свое чувство обособленной национальности и, будучи приучены к римской эффективности и административной организации, неизбежно тяготели бы к сепаративному использованию этих преимуществ как независимо организованные нации. Именно это чувство сепаративной национальности римское правление успешно разрушало везде, где бы оно не устанавливало свое доминантное влияние. И это делалось тупым средством brutальной силы по тевтонскому образцу, но мирным нажимом. Рим сперва смешался с соперничающей культурой, которая была выше его собственной в определенных отношениях, и принял ее как часть своего собственного культурного существования и даже как свою самую ценную часть; он создал греко-римскую цивилизацию, позволил греческому языку распространяться и защищал его на Востоке, но везде вводил его в употребление через посредничество латинского языка и латинского образования и преуспел в мирном преодолении декадентских или зачаточных культур Галии и других побежденных провинций. Но поскольку даже этот процесс не мог быть достаточным для уничтожения всех сепаратистских тенденций, он допускал свои латинизированные субъекты не только к высшим военным и гражданским институтам, но даже к имперскому пурпуру, так что меньше чем за столетие после Августа сперва итальянский галл, а затем иберийский испанец владели именем и силой Це-

зарей, но он достаточно быстро лишил всякой жизненной силы, а затем даже номинально отменил все уровни гражданских привилегий, которыми он поделился, и дал полное римское гражданство всем своим субъектам, азиатским, европейским и африканским, не делая между ними никакого различия.

Результатом было то, что вся империя стала психологически, а не только политически, единым греко-римским объединением. Не только превосходящая сила или признание римского мирного и хорошего правления, но все желания, ассоциации, гордость, культурное сходство провинций заставляли их неизменно поддерживать империю. Всякая попытка провинциального правителя или военначальника организовать провинциальную империю ради ее собственной выгоды, терпела неудачу, потому что она не находила ни базиса, ни поддерживающей тенденции, ни национального уважения, ни ощущения материального или иного преимущества от подобной перемены у народа, от которого зависело успешное развитие этой попытки. И насколько далеко Рим преуспел, настолько же в своем падении он был обязан недостатку своего метода в самой его сути. Сокрушая, как бы мирно он это ни делал, живые культуры или зарождающуюся индивидуальность народов, которыми он правил, он лишал народы источников их жизненности, корней их жизненной силы. Без сомнения, он удалил все позитивные причины раскола и застраховался от пассивной силы оппозиции, способной на какие-либо разрушительные перемены, но его империя жила только в центре, и когда этот центр исчерпал себя, он утратил позитивную и обильную жизнь во всем теле, из которого она могла быть почерпнута. В конце Рим даже не смог зависеть от энергичных индивидуумов из народов, чью жизнь он подавлял весом присвоенных цивилизаций; он должен был двигаться навстречу пограничным варварам. И когда он рассыпался на куски, именно эти варвары, а не прежние возрождающиеся народы, стали его наследниками. Ибо их варварство было, по крайней мере, живой силой и принципом жизни, тогда как греко-римская цивилизация стала принципом смерти. Все его живые силы, контактом с которыми он мог модифицировать и обновить свою собственную силу, были разрушены. В конце он сам должен был быть разрушен в своем принципе и его принцип должен был быть рассеян по девственному полю жизненной и энергичной культуры средневековой Европы. На что Риму не хватило муд-

рости, — ибо даже глубочайший и вернейший политический инстинкт не является мудростью, — должно было быть сделано самой Природой в неопределенном, но живом объединении средневекового Христианского мира.

Пример Рима всегда будоражил политическое воображение Европы. Он не только стоял за Святой Римской Империей Карла Великого, грандиозной попыткой Наполеона и германской мечтой о мировой империи, управляемой тевтонской эффективностью и тевтонской культурой, но и все империалистические нации, включая Францию и Англию, шли до определенной степени по его следам. Но — и это достаточно примечательно — любая попытка повторить римский успех терпела неудачу. Современные нации были неспособны полностью следовать Риму в тех направлениях, в которых шел он, или, если они пытались следовать, они сталкивались с различными обстоятельствами и либо терпели крушение, либо вынуждены были останавливаться. Природа словно бы говорила: “Этот эксперимент был доведен однажды до своего логического конца, и этого достаточно. Я создала новые условия; найдите новые средства или, по крайней мере, исправьте старые или добавьте их там, где они были недостаточны или отклонились от цели.”

Европейские нации расширили свои империи древнеримскими методами милитаристского завоевания и колонизации, избегая по большей части доримского принципа простого господства или гегемонии, который практиковался ассирийскими и египетскими царями, индийскими государствами и греческими городами. Но этот принцип тоже иногда использовался в форме протектората для подготовки более нормальных средств оккупации. Колонии были не чистым Римом, а смесью карфагенского и римского типа, официальной и милитаристской, пользующейся, как римские колонии, большими гражданскими правами, чем туземное население, в то же время они были в значительно большей степени коммерческими колониями, предназначенными для эксплуатации. Ближайшим к римскому типу было английское поселение в Ольстере, в то время как германская система в Польше развивала в современных условиях старый римский принцип экспроприации. Но это — исключения, не правило.

Уже оккупировав и успокоив побежденную территорию, современные нации обнаружили, что они внезапно были оста-

новлены трудностью, которую они были не в состоянии преодолеть так, как ее преодолевал Рим, — с трудностью выкорчевывания туземной культуры, а с нею — туземного чувства сепаративности. Все эти империи сперва держались идеи навязывания своей культуры вместе с флагом — сперва просто из инстинкта завоевателя или в качестве необходимого придатка к факту политического доминирования и как гаранта его перманентности, но позднее — с сознательным намерением распространения, как это фарисейски подается, благ цивилизации среди “низших” рас. Нельзя сказать, что эта попытка везде была очень удачной. С большой основательностью и безжалостностью ее пробовали осуществить в Ирландии, но хотя ирландская речь была искоренена, кроме как в диких местах Коннаута, и все явные признаки старой ирландской культуры исчезли, попорченная национальность просто приняла другие средства, отличающие ее от других, которые она смогла найти, как бы скромны они ни были, свою католическую религию, свою кельтскую расовую принадлежность и национальность, и даже будучи англизированной, она отказалась быть английской. Результатом удаления или ослабления иностранного давления стало неистовое отшатывание, попытка возродить гаэльскую речь, реконструировать старый кельтский дух и культуру. Германия потерпела неудачу в попытке пруссифицировать Польшу или даже своего родственника, который говорит на одном с ней языке, Эльзас. Непокоренные финны остались финнами в России. Умеренные австрийские методы оставили австрийского поляка поляком, как и его угнетенного собрата в германском Позене [Posen]. Соответственно, везде начало подниматься растущее чувство бесполезности попытки и необходимости оставления души подчиненной нации свободной, ограничивая деятельность суверенного Государства навязыванием административных и экономических условий с такой социальной и культурной переменой, какая может быть свободно принята или может прийти через образование или в силу обстоятельств.

Германия, действительно, неопытный новичок в имперских методах, ухватилась за старую римскую идею ассимиляции, которую она стремилась осуществить и римскими, и неримскими методами. Она даже проявила тенденцию возврата ко временам, предшествующим цезарям древности, к методам иудея в Ханаане и сакса в восточной Британии, к методам изгнания и

избиения. Но поскольку она была, в конечном итоге, более современной и имела некоторое чувство экономической необходимости и целесообразности, она не последовала этой политике с какой-либо основательностью или в периоды мира. Все же, она настаивала на старых римских методах, стремилась подменить немецкой речью и культурой туземную и, поскольку она не могла сделать это мирным давлением, она попыталась сделать это силой. Попытка такого рода обречена на провал; вместо того, чтобы принести психологическое объединение, которое является ее целью, ей удастся только резче подчеркнуть национальный дух и посеять глубокую и непобедимую ненависть, которая опасна для империи и может даже разрушить ее, если угнетенные элементы не слишком малочисленны и слабы. И если это стирание гетерогенных культур невозможно в Европе, где все различия являются лишь вариациями общего типа и необходимо преодолеть лишь маленькие и слабые элементы, то что же говорить о тех империях, которые имеют дело с великими азиатскими или африканскими массами, укоренившимися за многие века в древней и хорошо сформировавшейся культуре. Если нужно создать психологическое объединение, это должно быть сделано другими средствами.

Воздействие различных культур друг на друга было не порождено, а, скорее, усилено условиями современного мира. Но природа воздействия, те цели, на которые оно направлено, и те средства, которыми эти цели могут быть осуществлены наиболее успешно, глубоко изменились. Земля путешествует сейчас к одной общей, обширной и гибкой цивилизации для всей человеческой расы, в которую современная и античная культура внесут свой вклад, и каждый четко очерченный человеческий агрегат внесет свой необходимый элемент вариации. В осуществлении этой цели неизбежно должно быть какое-то усилие, направленное на выживание. И самым способным на выживание здесь будет все, что может наилучшим образом служить тенденциям, которые Природа прорабатывает в человечестве, — не только тенденциям нынешнего часа, но и выжившим тенденциям прошлого, и только-только наметившимся тенденциям будущего. И это будет также всем тем, что сможет наилучшим образом помочь в освобождении и комбинировании сил, что будет наилучшим для адаптации, урегулирования и проявления скрытого замысла великой Матери в ее усилиях. Но успеху этих усилий наи-

худшим, а не лучшим образом служит милитаристское насилие или политическое давление. Немецкая культура, ко благу или на беду, совершила быстрые завоевания по всему миру, прежде чем правители Германии оказались достаточно неблагоразумными, чтобы вызвать вооруженным насилием латентную силу противоположных идеалов. И даже сейчас то, что является самым существенным в ней, Государственная идея и организация жизни сообщества Государством, которая является общей и для германского империализма, и для германского социализма, похоже, гораздо скорее преуспеет благодаря поражению первого в Войне, чем его победой в жестокой борьбе.

Эта перемена в движении и ориентации тенденций мира указывают на закон взаимного обмена и адаптации и на появление чего-то нового, рождающегося от встречи многих элементов. Только те имперские агрегаты, похоже, преуспеют и в конечном счете выживут, которые признают новый закон и сформируют свою организацию в соответствии с ним. Непосредственные победы противоположного рода, действительно, могут быть достигнуты и насилие сделано законом; но такой успех завоевываемся, как неоднократно показывала история, за счет всего будущего нации. Признание новой истины уже началось как результат возросшего общения и расширения знания. Ценность вариаций начала признаваться, и старая высокомерная претензия той или иной культуры навязать себя и сокрушить все остальные начала утрачивать свою силу и самоуверенность, когда старое потрепанное кредо неожиданно поднялось, вооруженное германским мечом, чтобы постоять за себя, если оно может, прежде чем пасть. Единственным результатом было то, что это добавило силы и ясного признания истины, которую оно хотело отринуть. Важность даже самых маленьких Государств, Бельгии, Сербии,¹ как культурных единиц в европейском целом, была поднята почти до статуса кредо. Признание ценности азиатских культур, ограниченное прежде мыслителем, ученым и художником, сейчас было введено в массовое сознание ассоциацией на поле брани. Теория “низших” рас, положение нижестоящих и вышестоящих, измеряемое близостью к собственной форме культуры, получила то, что вполне может оказаться для нее смер-

¹ Ныне Югославии.

тельным ударом. Семена нового порядка вещей быстро прорастают в сознательном менталитете расы.

Новый поворот взаимовлияния культур показал себя наиболее ясно там, где встречаются Европеец и Азиат. Французская культура в Северной Африке, английская культура в Индии сразу перестали быть французской или английской и стали просто общей европейской цивилизацией в лице азиатской: это больше не имперское доминирование, намерено стремящееся обезопасить себя посредством ассимиляции, а континент, договаривающийся с континентом. Политический мотив тонет в незначительности; мировой мотив занимает его место. И в этой конфронтации это больше не самоуверенная европейская цивилизация предлагает свой свет и благо полуварварской азиатской, когда последняя с благодарностью принимает благотворную трансформацию. Даже легко приспособливающаяся Япония после первого энтузиазма признания сохранила все, что фундаментально в ее культуре, и европейский поток повсеместно встречал оппозицию внутреннего голоса и силы, которые выкрикивали нет его победному маршу.¹ Восток в целом, вопреки определенным сомнениям и колебаниям, желает, а там, где этого желания недостаточно, вынуждается обстоятельствами и общей тенденцией человечества, принять действительно ценные части современной европейской культуры, ее науку, ее любознательность, ее идеал всеобщего образования и роста, ее отмену привилегий, ее расширяющуюся, либерализирующуюся демократическую тенденцию, ее инстинкт свободы и равенства, ее призыв сокрушить узкие и угнетающие формы, ее мольбу о воздухе, пространстве и свете. Но в определенной точке Восток отказывается проследовать дальше, и это происходит именно в тех вещах, которые являются самыми глубокими, самыми сущностными для будущего человечества, в вещах, принадлежащих душе, в глубочайших предметах ума и темперамента. Здесь, опять же, все указывает не на замену и завоевание, а на взаимное понимание и взаимный обмен, на взаимную адаптацию и новую формацию.

¹ В Турции и Китае имел место рецидив европеизирующего поворота, вызванный влиянием большевистской России. Похоже везде, где ни возникла бы необходимость преодолеть эту сдерживающую развитие ортодоксальность, возникает это движение, но только как проходящая фаза.

Старая идея умерла не полностью и не умрет без последнего боя. Есть еще те, кто грезит о христианизированной Индии, об английском языке, перманентно доминирующем, если не сменяющем индийские языки, или о приятии европейских социальных форм и манер как необходимого предварительного условия для равного статуса Европейца и Азиата. Но это те, кто в своем духе принадлежит прошлой генерации и не может оценить знаки часа, указующие на новую эру. Христианство, например, преуспело только там, где оно смогло проявить одно или два своих явно превосходящих качеств, готовность снизить и поднять падшего и угнетенного там, где индус, закованный в формы касты, не смог бы ни прикоснуться, ни помочь; способность с большей быстротой принести облегчение там, где это нужно, в мир, активное сострадание и помощь, наследуемые от предшествовавшего буддизма. Там, где оно не смогло применить этот рычаг, оно потерпело полное поражение, и даже этот рычаг оно легко может утратить; ибо душа Индии, снова разбуженная новым ударом, начала возвращать свои утерянные тенденции. Социальные формы прошлого меняются там, где они не соответствуют новым политическим и экономическим условиям и идеалам или несовместимы с возрастающим стремлением к свободе и равенству; но нет ни одного признака, что из этих родовых мук появиться нечто еще, кроме нового азиатского общества, расширившегося и либерализованного. Признаки всюду одни и те же; повсюду силы работают в одном и том же смысловом ключе. Ни Франция, ни Англия не имеют силы — и рано или поздно они утратят желание — разрушить и заменить исламистскую культуру в Африке или индийскую в Индии. Все, что они могут, это дать то, что они имеют ценного для ассимиляции в соответствии с нуждами и внутренним духом более древних наций.

На этом вопросе было необходимо остановиться, потому что он жизненно важен для будущего империализма. Замещение локальной культуры имперской культурой и, насколько это возможно, речью завоевателя, было сущностным элементом имперской теории; но время сняло его с повестки дня и само желание его должно быть провозглашено недостижимым на практике, древнеримская модель империи утратила всякую пользу для разрешения проблемы. Что-то от римского урока остается ценным, — те особенности, которые неотъемлемы от самой сути империализма и смысла империи; но требуется новая модель. Эта

новая модель уже начала развиваться в соответствии с требованиями эпохи; это — модель федеративной или конфедеративной империи. Проблема, которую мы должны разрешить, сужается до вопроса: может ли быть создана прочная федеративная империя на обширных территориях и состоящая из гетерогенных рас и культур? И, при условии, что будущее движется в этом направлении, как может подобная империя, столь искусственная в своем облике, быть сплавлена в естественном и психологическом единстве?

ГЛАВА VII

СОЗДАНИЕ ГЕТЕРОГЕННОЙ НАЦИИ

Проблема федеральной империи, которая заключается в создании единственного прочного и надежного фундамента, в создании истинного психологического объединения, — империи, которая должна комбинировать гетерогенные элементы, — состоит из двух различных аспектов, из вопроса формы и из вопроса реальности, которой эта форма должна служить. Первый является вопросом великой практической важности, однако только второй жизненно важен. Форма объединения может сделать возможной, благоприятствовать или даже активно помогать созданию соответствующей ей реальности, но она никогда не сможет заменить ее. И, как мы видели, истинная реальность в этом устройстве Природы является психологической, поскольку просто физический факт политического и административного объединения может быть лишь временным и искусственным творением, обреченным на неизбежный коллапс, как только его непосредственная полезность будет исчерпана или когда обстоятельства, которые благоприятствовали продолжению его существования, радикально или серьезно не изменятся. Первый вопрос, в таком случае, который нам нужно рассмотреть, таков — чем эта реальность может быть, реальность, которую мы намерены воплотить в форме федеральной империи, и особенно мы должны разобраться, должно ли это быть просто расширением национального типа, самого крупного человеческого агрегата, успешно развитого Природой, или это должно быть новым типом агрегата, который превосходит и должен сменить нацию, как та сменила племя, клан, город или региональное государство.

Первая естественная идея, возникающая в человеческом уме при встрече с такой проблемой, относится к тем идеям, которые более всего льстят знакомым представлениям и, кажется, продлевают их. Ибо человеческий ум, в массе, не расположен к радикальному изменению концепции. Он легче всего принимает перемену, когда ее реальность вуалируется продлением привычной формы вещей или же церемониалом, легальной, интеллектуальной или сентиментальной фикцией. И именно такую фикцию некоторые думают создать как мост от национальной

идеи к имперской идее политического объединения. Что сейчас наиболее надежно объединяет людей, это физическое объединение в общей стране, в которой предстоит жить и которую нужно защищать, общая экономическая жизнь, зависящая от географического единства и чувства родины, которое прорастает вокруг физического и экономического факта и либо создает политическую и административную единицу, или обеспечивает ее надежную перманентность, когда она уже создана. Давайте, в таком случае, взрастим это мощное чувство с помощью фикции, давайте потребуем от гетерогенных составных империи, чтобы те направляли это чувство не на свою физическую родину, а на империю как на родину или, по крайней мере, если они цепляются за старые сантименты, чтобы они учились ставить империю на первое место и уважали как более великую мать. Вариацией такой идеи является французское представление о родине, Франции; все остальные владения империи, — хотя в английской фразеологии они классифицировались бы, скорее, как зависимые страны, не смотря на то, что они в значительной мере разделяют политические права с империей, — должны рассматриваться как колонии родной страны, собранные в идее о Франции, чьи территории лежат за морями, притягиваемые к центру их национальными чувствами, растущими вокруг величия, славы и любви ко Франции, общей матери. Это представление естественно для кельтско-латинского темперамента, хотя чуждо тевтонскому, и оно поддерживается относительной слабостью расы, расовыми предубеждениями и огромной силой притягательности и ассимиляции, которой Франция обладает наряду со всеми кельтскими нациями.

Сила, часто чудесная сила, подобных фикций, ни на мгновение не должна игнорироваться. Они образуют наиболее общий и эффективный метод Природы, когда она хочет преодолеть свое собственное застарелое сопротивление, чтобы измениться в ее ментализированном животном, человеке. Все же, есть условия, без выполнения которых такая фикция долго не сможет преуспеть или не преуспееет никогда. В первую очередь, она должна быть основана на поверхностном правдоподобии. Она должна вести к понятному факту, достаточно сильному, чтобы либо заменить фикцию саму, либо чтобы в конечном счете оправдать ее. И этот вразумительный факт должен прогрессивно реализовываться и не оставаться слишком долго в стадии бес-

форменной туманности. Было время, когда эти условия были не столь настоятельно необходимы, время, когда масса людей была более подвержена фантазиям, наивна, довольствовалась сантиментом или видимостью; но по мере продвижения расы, она становилось ментально более подвижной, самоосознающей, критичной, она все быстрее улавливала разницу между фактом и претензией. Более того, мыслитель встречается все чаще; его слова слышат и понимают в степени беспрецедентной в известной истории человечества, и мыслитель имеет тенденцию все более и более становиться инквизитором, критиком, врагом фикций.¹

Основана ли, в таком случае, эта фикция на реализуемой параллели, — другими словами, правда ли, что истинное имперское единство, когда оно будет реализовано, будет только расширенным национальным единством? Или, если нет, что это за реализуемый факт, который эта фикция должна подготовить? В истории сложносоставной нации была масса примеров, и, если параллель может быть принята как эффективная, задачей федеральной империи и является создание такой сложносоставной нации в более широком масштабе. Мы должны, поэтому, бросить взгляд на самые типичные примеры успешной сложносоставной нации и посмотреть, насколько приложима параллель и есть ли трудности на пути, который указывает, скорее, на необходимость новой эволюции, чем на вариацию старого успеха. Даже сама лишь идея о трудностях может помочь нам увидеть, как они могут быть преодолены.

Самый яркий пример перед нашими глазами и успешно развившейся сложносоставной, или гетерогенной, нации, и благополучно развивающейся гетерогенной империи — это пример Британской нации в прошлом и Британской Империи в настоящем, — успешно, но благополучно лишь с оговоркой, ибо перед ней стоит масса еще не решенных проблем.² Британская нация была составлена из англоязычной англо-норманской Анг-

¹ Эти условия вполне могут скоро исчезнуть; ибо свобода мысли повсеместно подвергается опасности, а там где нет свободы мысли, там исчезает сила мыслителя.

² Следует помнить, что это было написано несколько десятилетий назад, и обстоятельства и сама Империя совершенно изменились; проблема, как она стояла тогда, больше не стоит.

лии, уэльскоязычного валийского Уэльса, полу-саксонской полу-гаэльской англоязычной Шотландии и, очень несовершенно и очень частично, из гаэльской Ирландии в основном с англо-шотландской колонией, удерживающей ее силой в объединенной системе, но никогда не бывшей способной принудить ее на подлинное объединение. Ирландия была, до самого недавнего времени, неудачным элементом в этой формации, и только сейчас и в другой форме и в других условиях, чем у других членов, некоего рода объединение с целым, еще очень ненадежное, и с империей, не с Британской нацией, становится возможным, хотя вряд ли еще стало реальностью.¹ Каковы были детерминирующие обстоятельства этого общего успеха и этой частичной неудачи, и какой свет они проливают на возможности более обширной проблемы?

При строительстве таких агрегатов Природа следовала в общем принципе одному и тому же закону, который она наблюдает в своих физических агрегатах. Она обеспечила, в первую очередь, физическое тело, затем общую жизнь и витальный интерес для составных частей этого тела, наконец, сознательное понимание разумом единства или ощущение этого единства и центр или управляющий орган, через который это общее чувство эго может реализовать себя и действовать. В ее ординарном процессе должна быть либо общая связь поколений, либо прошлая ассоциация, которая давала возможность стремиться к тому, чтобы придерживаться похожего и отличать себя от непохожего, и общее жилище, страна, так расположенная, чтобы все, кто живут внутри ее естественных границ, ощущали своего рода географическую необходимость объединиться. В более ранние времена, когда общины были не так прочно привязаны к местности, первое из этих условий было более важным. В оседлых современных общинах второе преобладает; но единство расы, чистой или смешанной, — ибо она не обязательно должна быть однородной по своему происхождению, — остается важным фактором, большое неравенство и различие легко может создать серьезные трудности на пути географической необходимости, стоящей с какой-либо перманентностью. Чтобы эта необходимость

¹ Это было написано, когда самоуправление казалось возможным решением; неудача сейчас стала фактом, и Ирландия стала независимой Ирландской Республикой.

могла добиться своего признания, необходима значительная сила второго естественного условия, то есть, необходимости экономического объединения или привычки совместного поддержания экономики и необходимости политического объединения или привычки общей витальной организации ради выживания, функционирования и роста. И чтобы это второе условие могло осуществить себя в полную силу, не должно быть ничего, что могло бы подавлять или разрушать третье при его становлении или после. Не должно делаться ничего, что привело бы к обостренному чувству разъединения или к укореняющемуся чувству сепаративности от тотальности остального организма; ибо это ведет к тому, что центр или управляющий орган перестает быть психологическим представителем целого, а потому — и истинным центром чувства эго этого целого. Но мы должны помнить, что сепаратизм — это не то же самое, что и партикуляризм, который вполне может сосуществовать с единством; это чувство невозможности подлинного объединения, вот что разъединяет, не просто факт различий.

Географическая необходимость объединения была очевидна в формировании британской нации; завоевание Уэльса и Ирландии и объединение с Шотландией были историческими событиями, которые просто иллюстрировали работу этой необходимости; но там совершенно отсутствовало единство нации и прошлая связь, и они должны были создаваться с большей или меньшей трудностью. Это было успешно сделано с Уэльсом и Шотландией за более-менее длительное время, но вовсе не с Ирландией. Географическая необходимость — это только относительная сила; она может быть преодолена мощным ощущением разобщенности, когда ничего не делается эффективно, чтобы свести на нет дезинтегрирующий импульс. Даже когда объединение политически достигнуто, оно имеет тенденцию к разрушению, особенно когда внутри географического объединения физический барьер или разделяющая линия достаточно сильны, чтобы быть базисом конфликтующих экономических интересов, — как в случае Бельгии и Голландии, Швеции и Норвегии, Ирландии и Великобритании. В случае Ирландии британские правители не только не сделали ничего, чтобы стереть или перекинуть мост через эту линию экономического разделения и противодействовать этому чувству сепаративного организма, сепаративной физической страны, в ирландском уме, но катастрофи-

ческим просчетом в оценке причины и следствия они увеличили то и другое до максимально возможного уровня.

В первую очередь, экономическая жизнь и процветание Ирландии были умышленно попораны в угоду интересов британской торговли и коммерции. После этого мало пользы было от установления — средствами, от критического изучения которых сморщился бы любой, — политического “объединения” двух островов под общей законодательной властью, под общим управляющим органом; ибо этот управляющий орган не был центром психологического единства. Где самые жизненные интересы не только отличались, но и находились в конфликте, там он мог представлять только постоянный контроль и притязать на защиту интересов “преобладающего большинства”, осуществлять продолжающееся подчинение и отвергание интересов чужеродного организма, прикованного законодательными кандалами к большей массе, но не объединенного с нею в реальном сплавлении. Голод, который истреблял население Ирландии, в то время как Англия процветала и благоденствовала, был ужасным доказательством Природы порочного характера такого “объединения”, которое было не объединением, а острейшим противоборством самых насущных интересов. Ирландские движения за самоуправление и сепаратизм были естественным и неизбежным выражением стремления Ирландии выжить; они были ничем иным, как инстинктом самосохранения, предугадывающим и настаивающим на единственном очевидном средстве самосохранения.

В человеческой жизни экономические интересы это те, которые, обычно, менее всего можно безнаказанно попираить; ибо они связаны с самой жизнью, и упорное их нарушение, если не уничтожает подавляемый организм, неизбежно вызывает самый яростный бунт. Но и в третьем из природных условий британское искусство управления государством также совершило в Ирландии роковую ошибку, попытавшись избавиться силой от всех элементов ирландского партикуляризма. Уэльс, как и Ирландия, был присоединен в ходе его завоевания, но никакой подобной тщательной попытки для его ассимиляции сделано не было; после первого неудобства насильственного процесса, после одной или двух пресеченных попыток сопротивления, Уэльс был оставлен претерпевать мирный нажим естественных условий, и сохра-

нение его собственной расы и языка не оказалось помехой для постепенного объединения уэльской расы и саксонской в общей британской национальности. Схожее невмешательство, вне зависимости от второстепенных проблем, связанных с горными кланами, привело к еще более быстрому сплавлению шотландской расы с английской. Сейчас на островах Великобритании имеет место сложносоставная британская раса с общей для всех страной, соединенной общностью смешанной крови, установившейся прошлой связью, географической необходимостью, общими политическими и экономическими интересами, реализацией общего эго. Противоположный процесс в Ирландии, попытка подменить искусственным процессом работу естественных условий, там где и малой помощи в управлении и примирении оказалось бы достаточно, использование старых как мир методов в новых условиях привело к противоположному результату. И когда ошибка была обнаружена, следовало признать результат прошлой Кармы, и объединение должно было осуществляться методом, которого требовали ирландские интересы и ирландские партикуляристские чувства, сперва предоставлением самоуправления, а затем созданием Свободного Государства, не находящегося в полном законодательном объединении.

Результат вполне мог бы превзойти все ожидания; это могло бы вызвать необходимость эвентуального пере моделирования Британской Империи и, возможно, всей англо-кельской нации в новых чертах с принципом федерации в своей основе. Ибо Уэльс и Шотландия не были сплавлены с Англией с той же полнотой, что Бретонец, Эльзасец, Баск и Провансалец в нераздельном единстве Франции. Хотя никакой экономической интерес, никакая насущная физическая необходимость и не требуют применения федеративного принципа к Уэльсу и Шотландии, все же достаточное, хотя и второстепенное, партикуляристское чувство остается, которое еще может откликнуться впоследствии на ирландское урегулирование и пробудиться к удовлетворению и выгоде сходного признания провинциальной сепаративности двух этих стран. И это чувство должно получить свежую силу и вдохновение от практического осуществления федеративного принципа при реорганизации, которая однажды может стать

неизбежной, колониальной империи, до настоящего времени управляемой Великобританией на основе самоуправления без федерации.¹ Специфические обстоятельства и национальной, и колониальной формации и экспансии рас, населяющих Британские Острова, действительно были таковы, что почти воочию показывают, что эта Империя во всех отношениях была задумана и подготовлена Природой в ее работах как великое поле для эксперимента по созданию этого нового типа в истории человеческих агрегатов, гетерогенной федеральной империи.

¹ Самоуправление сейчас было заменено Суверенным Статусом, который означает конфедерацию де-факто, хотя еще и не по форме.

ГЛАВА VIII

ПРОБЛЕМА ФЕДЕРАТИВНОЙ ГЕТЕРОГЕННОЙ ИМПЕРИИ

Если создание сложносоставной нации на Британских Островах с самого начала было делом решенным, — полному удовлетворению географической и экономической необходимости мешала только грубая и упрямая ошибка в управлении государством, — то этого нельзя сказать о более быстром, но все же постепенном и почти неосознаваемом процессе, которым колониальная империя Великобритании развивалась до точки, с которой она стала реальным объединением. Не так давно окончательное отделение колоний, принесшее с собой эволюцию Австралии и Канады, по крайней мере до юных независимых наций, считалось неизбежным концом колониальной империи, ее единственным логическим и вряд ли прискорбным завершением.

Для этой ментальной позиции были здравые основания. Географическая необходимость объединения всецело отсутствовала; наоборот, удаленность создавала позитивную ментальную обособленность. Каждая колония имела отдельное физическое тело, и, казалось, ей было предуготовано, в направлениях, по которым человеческая эволюция тогда развивалась, стать отдельной нацией. Экономические интересы метрополии и колоний были несопоставимы, чужды друг другу, часто противоположны, что было видно по тому, как последние защищались от британской политики Свободной Торговли. Их единственный политический интерес в Империи заключался в защите от иностранного вторжения, которую давал британский флот и армия. Психологически, единственными узами были слабые воспоминания о происхождении и едва теплое чувство, которое может легко испариться и с которым воевало острое сепаратистское чувство и естественная склонность резко обозначенных человеческих группировок организовывать для себя независимую жизнь и расовый тип. Происхождение расы варьировало, в Австралии — Британец, в Южной Африке — Голландец, в Канаде — наполовину Француз, наполовину Англичанин; но во всех трех странах развивались жизненные привычки, политические тенденции, новый тип характера, темперамента и культуры, если это можно так назвать, которые были диаметрально противоположны старой британской культуре, темпераменту, жизненным привычкам, социальным и политическим тенденциям. С другой стороны, метрополия не получала осязаемых политических, милита-

ристских или экономических выгод от этих боковых побегов, только престиж, который могло дать ей обладание империей. С обеих сторон, поэтому, все обстоятельства указывали на эвентуальное мирное обособление, которое оставляло Англии лишь гордость от того, что она была матерью стольких новых наций.

Из-за сближения мира физической Наукой, результирующей тенденции к более обширным агрегатам, условий изменившегося политического мира и глубоких политических, экономических и социальных перемен, к которым двигалась Британия, все обстоятельства изменились, и легко можно увидеть, что сплавление колониальной империи в великое федеральное Содружество или что-то, что может обособленно называться подобным образом, практически неизбежно. На пути к этому есть трудности, — начать хотя бы с трудностей экономического характера (ибо, как мы видели, географическая оторванность не ведет к расколу), частой противоположности экономических интересов, и имперский Таможенный Союз, достаточно естественный между государствами Германский Империи или Центральной Европейской Конфедерации, такой, какой планировался одной из сторон в Великой Войне, был бы искусственным сооружением в случае значительно обособленных стран и требовал бы постоянной бдительности и внимания; но в то же время политическое объединение имеет тенденцию требовать экономического объединения как своего естественного сопутствующего обстоятельства и, похоже, само вряд ли бывает без него полным. Там также есть и политические трудности, которые еще могут проявиться и разрушить имперскую формацию, если практический процесс объединения будет осуществляться поспешно и немудро; но ни одна из них не должна оказаться непреодолимой трудностью или даже реальным камнем преткновения. Расовая трудность, которая была в одно время серьезной и грозной в Южной Африке и еще не исчезла, не обязательно должна оказаться более сложной, чем в Канаде, ибо в обеих странах имеется английский элемент, который, в меньшинстве ли он, или в большинстве, может дружелюбным объединением или сплавлением присоединить иностранный элемент к Империи. Нет и сколь-нибудь мощной тяги вовне или столкновения сформированных культур или несопоставимых темпераментов, которые сделали столь трудным реальное объединение Австрийской Империи.

Все, что здесь нужно, это чтобы Англия продолжила работать над проблемой с правильным инстинктом и не совер-

шила чего-либо, подобного ее фатальному американскому просчету или ошибке, которую она допустила, но, к счастью, исправила в Южной Африке. Она должна всегда держать в своей голове, что ее возможная судьба — это не судьба доминантной страны, принуждающей все части своих доминионов на единообразии с нею или на постоянное подчинение, а судьба центра великой конфедерации Государств и наций, срастающихся благодаря ее притяжению в новое супранациональное единство. И первым условием здесь является то, что она должна скрупулезно уважать свободную внутреннюю жизнь и волю, социальные, культурные, экономические тенденции колоний, давая им при этом быть равными с нею партнерами при решении великих общих вопросов Империи. Сама она не может быть ничем большим в будущем такого нового типа агрегатов, чем политическим и культурным центром, крепежным инструментом или узлом объединения. При условии такой ориентации в управляющем разуме Англии ничто, не говоря о каких-то непредвиденных катаклизмах, не сможет помешать формации имперского объединения, в котором самоуправление с широким британским сюзеренитетом будет заменено Федерацией с самоуправлением в ее основе.¹

Но проблема становится гораздо сложнее, когда встает вопрос, связанный с двумя другими составляющими Империи, с Египтом и Индией, — настолько сложнее, что политический ум, поддерживаемый сотней предубеждений и существующих интересов, естественным образом склоняется оставить проблему и тельном для объединения смысле. Индия, даже будучи на пути создать федеральную колониальную империю с двумя этими великими странами как зависимыми подчиненными.² Очевидно,

¹ Все это при условии, что Империя будет оставаться побеждающей и преуспевающей, а также при условии, что британская внешняя политика не будет делать обязательства, накладываемые членством в федеральном объединении, слишком тяжелыми для меньших членов.

² Вопрос, связанный с Египтом, уже поднялся за время, прошедшее после написания этих строк, и поднялся в отрицание к свободному статусу, уже столкнулась с ним, хотя две ее обособленные части фигурировали определенное время как Доминионы и одна из них может держаться за этот статус какое-то время, тогда как другая, хотя и являясь Независимой Республикой, приняла новую формулу верности Содружеству.

что такое решение не может быть длительного характера, и если оно встречает упорное сопротивление, оно приведет к самым нежелательным результатам, если не к окончательной катастрофе. Ренессанс Индии неизбежен, как восход завтрашнего солнца, и ренессанс великой трехсот миллионной нации с таким своеобразным темпераментом, с такими уникальными традициями и представлениями о жизни, столь мощными и разумными и несущими в себе такую великую массу потенциальных энергий, не может не быть одним из самых значительных феноменов современного мира. Очевидно, что новое федеративное имперское объединение не может позволить себе постоянный антагонизм с этой возрождающейся трехсот миллионной нацией и близорукую политику управления, которую диктуют те слуги сегодняшнего дня и его интересов, которые отодвигают ее неизбежное появление на столь долгий срок, на какой только могут. Это, действительно, было признано в принципе; трудность будет в решении проблем, которые возникнут, когда практическое решение Индийского вопроса не сможет больше откладываться на неопределенное будущее.

Природа трудностей, стоящих на пути практического объединения таких разных агрегатов, достаточно очевидна. Впереди стоит географическая обособленность, которая всегда отделяла Индию и ее народы, даже когда она была неспособна реализовать свое политическое единство и получала вторжением и взаимообменом культур полноценную встряску от цивилизаций, окружающих ее. Там есть просто масса из ее трехсот миллионного населения, какое-либо сплавление которой с остальными нациями Империи было бы делом совершенно иным, чем сплавление относительно небольших популяций Австралии, Канады и Южной Америки. Там есть очевидная демаркационная линия, проводимая расой, цветом и темпераментом, между Европейцем и Азиатом. Там есть тысячелетнее прошлое, совершенно иные истоки, неизгладимые ассоциации, врожденные тенденции, которые делают невозможным какое-либо стирание этой демаркационной линии или ее минимизацию приятием Индией, всецело или преимущественно, Английской или Европейской культуры. Все эти трудности не обязательно означают неразрешимость проблемы; напротив, мы знаем, что никакая трудность не может встать перед человеческим разумом, которую, если бы он захотел, он не мог бы разрешить. Предположим, что в этом

случае есть и желание, и необходимая мудрость; что Британская политика не совершит непоправимой ошибки; что от второстепенных ошибок, которые она не может не совершать при решении такой проблемы, она вовремя отречется, подталкиваемая своим темпераментом и прошлыми привычками; и что, соответственно, немного раньше или немного позже, некоего рода психологическое объединение двух этих во многом совершенно различных человеческих агрегатов может быть создано.

Остается вопрос, в каких условиях это может произойти и какова должна быть природа объединения. Ясно, что правящая раса должна применить с гораздо большей скрупулезностью и твердой решимостью принцип, который она применяла везде с таким успехом и отклонение от которого всегда после определенной стадии было столь вредным для ее собственных более широких интересов. Она должна допустить, уважать и даже активно содействовать свободной и сепаративной эволюции Индии, подчиненной единству Империи. Так долго, пока Индия не управляет собой полностью, ее интересы должны стоять на первом месте в уме тех, кто управляет ею, и когда она получит самоуправление, оно должно быть таким, чтобы не вредить ей в ее заботе о своих собственных интересах. Ее нельзя, например, принуждать на имперский таможенный союз, который в нынешних условиях был бы губительным для ее экономического будущего, пока эти условия не изменяться решительной политикой стимулирования и поддержки ее индустриального развития, даже если бы это неизбежно вредило бы многим существующим коммерческим интересам внутри Империи. Недопустимы никакие усилия, навязывающие английскую культуру или условия ее растущей жизни или делающие их *a sine qua non*, непременным условием, для ее признания у свободных народов Империи, и никакие ее собственные усилия, направленные на защиту и развитие своей собственной культуры и своей собственной эволюции, не должны встречать преград или противодействия. Ее достоинство, чувства, национальные устремления должны все более и более признаваться как на практике, так и в принципе. Соблюдение этих условий, безопасность ее политических и экономических интересов, забота о ее собственном нарушаемом росте могут оставить ее в Империи, а для остального потребуется только время, ибо самоосуществление более

тонкой и трудной части процесса объединения будет протекать более или менее быстро.

Создаваемое объединение никогда не должно принимать форму Индо-Британской Империи; это — фикция воображения, химера, за которой никогда не нужно гнаться в ущерб реальным возможностям. Среди этих возможностей могут быть, прежде всего, прочное политическое объединение, обеспеченное соблюдением общих интересов; во-вторых, здоровый коммерческий взаимообмен и взаимная индустриальная помощь, осуществляемая в здоровых направлениях; в-третьих, новые культурные взаимоотношения двух самых важных секторов в человечестве, Европы и Азии, где они смогут обмениваться всем, что есть ценного и великого в той и другой, как равные члены одной человеческой семьи; и, наконец, можно надеяться, что вместо обычных прошлых связей политического и экономического развития и содействия обоюдной славе, которые главным образом помогали созданию национального объединения, возникнет более великая слава связей и тесного партнерства в строительстве новой, богатой и разнообразной культуры для жизни более благородного человечества. Для этого, безусловно, необходим тип супранационального объединения, который является следующим возможным шагом в прогрессивной агрегации человечества.

Очевидно, что этот следующий шаг не будет иметь смысла или ценности иной, кроме как стадия, которая сделала бы возможным — посредством практической демонстрации и созданием новых привычек чувства, ментального отношения и обычной жизни — объединение всей человеческой расы в единой семье. Простое создание большого имперского объединения было бы вульгарным и даже реакционным феноменом, если бы оно не имело этот более великий результат за собой. Просто конструкция многоцветного Индо-Британского объединения, облаченного в боевую кольчугу и отделяемого коммерческим, политическим и милитаристским эгоизмом от других огромных объединений, России, Франции, Германии, Америки, было бы регрессом, не продвижением. Поэтому, если подобное объединение вообще предуготовано, — ибо мы взяли пример Британской Империи только как лучшую иллюстрацию вероятного нового типа, — тогда оно должно быть именно промежуточным строением с этим идеалом перед нами, чтобы оно могло быть принято теми, кто любит человечество и кто не связан ограничениями старого

локального патриотизма, противопоставляющим одну нацию другой. Всегда при условии, что политические и административные средства относятся к тем, которые ведут нас к объединению человеческой расы, — ибо мы сейчас исходим из этой сомнительной гипотезы. Вероятность такого эвентуального развития еще невысока, ибо характер исламской и индуистской Индии во многом еще устремляется в направлениях независимости, а со стороны Англии не делается ничего, чтобы организовать эту возможность. Но эта возможность еще должна рассматриваться, поскольку она не утратила всякую актуальность и при изменившихся обстоятельствах возможно допущение виртуальной независимости вместо сепаративной и изолированной автономии. Если так, это должно послужить знаком, что один из шагов Природы к финальному результату, ведет в этом направлении. Следует сказать, что если подобная комбинация двух столь отличных народов и культур окажется возможной, великий вопрос мирового объединения перестанет быть таким далеким.¹

¹ Все приняло иной поворот, что было практически неизбежно, но эта часть главы была оставлена без изменения, потому что рассмотрение этой возможности было необходимо для изучения предмета. Повсеместная неудача в доведении этого возможного эксперимента до стадии приближения к реализации является иллюстрацией того факта, что эта промежуточная стадия в прогрессе к тотальному мировому объединению предложила трудности, которые сделали ее почти невозможной. Ее место было занято такими агломератами, как Содружество, Советский Союз, и такими возможностями, какие предложили Соединенные Штаты Европы и другие континентальные комбинации, как те, что родились между двумя Америками и однажды могут оказаться вероятными в Азии.

ГЛАВА IX. ВОЗМОЖНОСТЬ МИРОВОЙ ИМПЕРИИ

Прогресс имперской идеи от искусственной и конструктивной стадии до состояния реализованной психологической истины, контролирующей человеческий ум с той же силой и жизненностью, которые сейчас выделяют национальную идею надо всеми остальными групповыми мотивами, является лишь возможностью, не несомненным будущим. И даже не более, чем смутно нарождающейся возможностью, и так долго, пока она не выйдет из этого зачаточного состояния, в котором она находится на милости всех глупостей политических деятелей, грозных страстей великих человеческих масс, упрямого своекорыстия укоренившегося эгоизма, у нас нет уверенности, что она не окажется мертворожденной. А если так, какая есть иная возможность объединения человечества политическими и административными средствами? Это может произойти, только если либо старый идеал единой мировой империи благодаря развитию, которое сейчас вряд ли представляется возможным, будет превращен в свершившийся факт, либо если противоположный Идеал свободной ассоциации или свободных наций преодолет тысячу и одну упрямых преград, которые стоят на пути его практической реализации.

Идея мировой империи, навязываемой одной только силой, находится в прямой оппозиции, как мы уже видели, к новым условиям, которые прогрессивная природа вещей ввела в современный мир. Тем не менее, давайте изолируем эти новые условия от самой проблемы и допустим теоретическую возможность единой великой нации, навязывающей свое политическое правление и свою доминирующую культуру всей земле, как Рим однажды навязывал свою власть и культуру народам Средиземноморья, Галлу и Британцу. Или давайте предположим, что одной из великих наций удастся преодолеть всех своих соперников благодаря силе и дипломатии, а впоследствии, уважая культуру и сепаративную внутреннюю жизнь подчиненных наций, она сможет укрепить свою власть притягательностью мира во всем мире, благотворным администрированием и не имеющей параллелей организацией человеческого знания и человеческих ресурсов для улучшения нынешнего состояния рода человеческого. Мы должны рассмотреть, может ли вообще эта теорети-

ческая возможность найти условия, благодаря которым она сумеет превратиться в возможность практическую, и если мы решим, что может, мы найдем, что таких условий сейчас не существует, наоборот, все — против реализации такой колоссальной грезы: она может приблизиться только благодаря огромным переменам, возможно, еще скрытым в тайне грядущего.

Обычно считают, что импульс, который толкнул Германию на ее недавнюю борьбу с миром, имел корни как раз в такой грезе об империи. Насколько это было сознательным намерением в ее правящих умах, вопрос достаточно сомнительный; но, несомненно, если бы она победила в Войне, как она сперва ожидала, неизбежно была бы создана ситуация, которая повела бы ее к этому более великому усилию. Ибо она пользовалась бы таким доминантным положением, которого не имела еще ни одна нация за весь известный период мировой истории; и идеи, которые совсем недавно управляли германским интеллектом, идея о ее миссии, ее расовом превосходстве, неизмеримом превосходстве ее культуры, ее науки, ее организации жизни и ее божественном праве вести землю и навязывать ей свою волю и идеалы, это, со всеохватывающим духом современного торгашества, неизбежно вынудило бы ее принять универсальную доминанту как божественно данную задачу. Тот факт, что современная нация, нация, действительно наиболее продвинутая в такой эффективности, в такой научной утилизации науки, в таком духе организованности, Государственной помощи и разумном обхождении с национальными и социальными проблемами и упорядочивании экономического благополучия, которые Европа понимает под словом цивилизация, — факт, что такая нация должна быть исполнена и руководствоваться подобными идеями и импульсами, безусловно, является доказательством, что старые боги не мертвы, старый идеал доминантной Силы, побеждающей, управляющей и усовершенствующей мир, все еще является жизненной реальностью и не собирается отказываться от своей власти над психикой человеческой расы. Нет также и никакой уверенности, что недавняя Война убила эти силы и этот идеал; ибо Война была решена силой, встретившей силу, организацией, восторжествовавшей над организацией, превосходством или, по крайней мере, более удачным использованием того самого оружия, которое образовывало реальную силу великой агрессивной Тевтонской Силы. Разгром Германии ее собственным оружием сам по

себе не мог убить дух, инкарнировавший тогда в Германии; он вполне мог вести просто к новой его инкарнации, возможно, в какой-то другой расе или империи, и всю битву тогда нужно начинать снова. Так долго, пока старые боги живы, разрушение или подавление тела, которое они оживляют, вещь маловажная, ибо они хорошо знают, как переселяться. Германия свергла наполеоновский дух во Франции в 1813 и разрушила остатки ее европейского лидерства в 1870; та же самая Германия стала инкарнацией того, что она свергала. Феномен вполне может повториться в более грозном масштабе.

Также поражение Германии не было и доказательством невозможности этой имперской мечты — ничуть не более, чем предыдущее поражение Наполеона. Ибо тевтонской комбинации не хватало всех необходимых условий, кроме одного, для успешного претворения столь обширного замысла. Она имела самую сильную военную, научную и национальную организацию, которую люди когда-либо развивали, но ей не хватало гигантского мотивирующего импульса, который один мог бы принести осуществление столь колоссальной попытки, импульса, которым Франция обладала в гораздо большей степени во времена Наполеона. Ей не хватало успешного дипломатического гения, который создает обязательные условия победы. Ей не хватало сопутствующей военно-морской силы, которая для попытки доминировать в мире даже более необходима, чем военное превосходство на суше, а из-за своего географического положения и вражеского окружения она была в особой степени подвержена всем минусам, которые были неизбежны при преимуществе на море ее естественных врагов. Только комбинация подавляющего преимущества военно-морских сил и подавляющего преимущества наземных сил¹ могла принести столь обширный замысел в сферу реальных возможностей; Рим сам мог лишь надеется на нечто, подобное мировой империи, когда он был разрушен превосходящей морской силой Карфагена. Все же Германия настолько просчиталась в оценке проблемы, что вступила в борьбу с преобладающей морской Силой мира, уже организованной в коалицию, состоящую из ее врагов. Вместо концентрации ее уси-

¹ А сейчас также, и в значительно большей степени, подавляющего преимущество военно-воздушных сил.

лий против одного естественного врага, вместо использования старой враждебности России и Франции к Англии, ее неуклюжая и brutальная дипломатия уже объединила этих прежних врагов в союзе против нее самой; вместо изоляции Англии она преуспела только в собственной изоляции, и манера, в которой она начала и повела Войну, еще больше отделила ее морально и придала дополнительную силу физической изоляции, произведенной британской блокадой. В своем одностороннем преследовании великой милитаристской концентрации Центральной Европы и Турции, она резко оттолкнула единственную морскую Силу, которая могла быть на ее стороне.

Возможно, что это имперское предприятие может быть возобновлено в некотором будущем в мировой истории нацией или государственными мужами, лучше экипированными, одаренными более тонким дипломатическим гением, нацией, к которой обстоятельства намного благосклоннее, с темпераментом и фортуной, какие были у Рима в античном мире. Каковы тогда будут необходимые условия для успеха? В первую очередь, ее цель имеет мало шансов на успех, если она не сможет повторить ту экстраординарную удачливость, с которой Рим был способен встречать своих возможным соперников и врагов одного за другим и избегать успешной коалиции враждебных сил. Насколько возможен такой удачливый прогресс в мире, столь настороженном и информированном, как современный, где все известно, где действуют многочисленные разведки, где наблюдают тысячи ревнивых глаз и активных умов в условиях современной гласности и охватывающих весь мир средств коммуникации? Просто обладания доминантной позицией достаточно, чтобы насторожить весь мир и сконцентрировать его враждебность против Силы, чьи тайные амбиции он инстинктивно ощущает. Поэтому такой удачливый успех, похоже, был бы возможен, только если бы, во-первых, он осуществлялся бы наполовину неосознанно без какой-либо фиксированной и очевидной амбиции со стороны наступающей Силы, чтобы не разбудить общую подозрительность, и, во-вторых, если бы он осуществлялся серией удачных случаев, которые привели бы столь близко к желанному концу, что оставалось бы сделать один шаг, когда те, кто мог бы помешать ему, осознали бы это. Если бы, например, имела место серия стычек между четырьмя или пятью великими Силами, ныне доми-

нирующими в мире, каждая из которых оставила бы агрессора во прахе без надежды на восстановление и без какой-либо новой Силы, поднимающейся на его месте, тогда, возможно, в конце одна из них осталась бы в положении такого натурального преобладания, достигнутого без преднамеренной агрессии, достигнутого, по крайней мере внешне, в противостоянии агрессии других, которое естественным образом дало ей в руки мировую империю. Но с нынешними условиями жизни, особенно с разрушительной природой современной войны, такой исход ряда столкновений, вполне возможный прежде, выглядит за пределами возможного.

И коли так, мы должны признать, что Сила, движущаяся к мировому доминированию, неизбежно будет сталкиваться с коалицией, сформированной против нее почти всеми Силами, способными на противостояние ей, а за этой коалицией и с симпатией к этой коалиции со стороны всего остального мира. Даже при самой удачной дипломатии такое движение представляется неизбежным. В этом случае, она должна обладать таким комбинированным и совершенно организованным военным и военно-морским преимуществом, чтобы победить в этой неравной в других отношениях борьбе. Но где есть такая современная империя, которая может надеяться достичь такого преимущества? Из тех, которые уже существуют, Россия вполне может достичь однажды сокрушительной военной мощи, по сравнению с которой нынешняя сила Германии будет сущим пустяком; но что она сумеет сочетать такую сухопутную силу с соответствующей морской силой, немислимо. Англия до настоящего времени пользовалась естественным преимуществом, которое она в нынешних условиях может увеличить настолько, чтобы бросить вызов армиям мира;¹ но даже с призывом на воинскую службу и помощью всех своих колоний она не достигнет подобной сухопутной силы, — если только она не создаст условия, в которых сможет утилизировать все милитаристские возможности Индии. И даже тогда, нам стоит только подумать о грозных массах и могучих империях, которые она должна быть готова встретить, и мы увидим, что создание этого двойного преимущества есть, как показывают сами факты, если и не химера, то, по крайней мере, вещь в высшей степени невероятная.

¹ Сейчас это больше не истинно из-за огромного роста американских военно-морских сил.

Предположим, что даже при значительном численном превосходстве на стороне своих возможных врагов, нация вероятно может одержать верх над коалицией своих оппонентов благодаря превосходству науки и более искусному использованию ресурсов. Германия основывала успех своего предприятия на превосходстве своей науки; и принцип, на котором она базировалась, был здравым. Но в современном мире Наука является общим достоянием, и даже если одной нации удастся организовать такой поход на других, оставляя их в начале далеко внизу, то все же, как показывает опыт, ненадолго, — а мощная коалиция вряд ли будет сокрушена при первом ударе, — утраченные земли будут быстро возвращены или, по крайней мере, разовьются методы обороны, которые в значительной степени нейтрализуют достигнутое противником. Для успеха, в таком случае, необходимо развитие амбициозной нацией или империей новой науки или получение ими новых открытий, которых нет у других, которые дадут ей нечто, подобное превосходству Кортеса и Пизарро над ацтеками и перуанцами.¹ Превосходства науки и организации, которое дало преимущество древним римлянам или европейцам в Индии, больше не достаточно для такого обширного замысла.

¹ Хернан Кортес (Hernan Cortes), 1485-1547. В 1519 Кортес, имея 11 кораблей, 508 солдат, 100 матросов и 16 лошадей, высадился на юго-восточном побережье Мексики. Там он занялся обучением своей небольшой армии, и чтобы уничтожить все помыслы об отступлении, в буквальном смысле сжег свои корабли. После этого он углубился на территорию Мексики, прибегая иногда к силе, иногда к мирным средствам, но всегда стремясь избежать конфликта. Его успех во многом обуславливался эксплуатацией ацтеками множества подчиненных народов, которые платили им дань. Это позволило ему найти среди них союзников. Отвергнув все дары Монтезумы и уговоры держаться подальше от Теночтитлана, или Мехико, Кортес со своей маленькой армией из испанцев и 1000 индейцев вошел 8 ноября 1519 года в город и стал его хозяином.

Франциско Пизарро (Francisco Pizarro) 1475-1541 королем Испании Карлом V в июле 1529 был сделан правителем провинции Новая Кастилия, находившейся на расстоянии 965 км к югу от Панамы — земель, только что открытых самим Пизарро. Он был облечен всеми полномочиями вице-короля. В Панаме был снаряжен один корабль, на котором было 180 человек и 37 лошадей. Позднее к ним присоединилось еще два корабля. В апреле 1531 они вступили в контакт с эмиссарами Атаульпы, императора Инков, стоявшего с армией в 30000 человек неподалеку от города Каджамарка (Сагатарга). Презрев малые силы противника, император согласился встретиться с ним в этом городе. Достигнув 15 ноября города, Пизарро сразу навел артиллерию на город и отправил своих братьев Гернандо и Спаниарда просить аудиенции. После дня ожидания прибыл Атаульпа, на носилках, в сопровождении эскорта в 3000 — 4000 человек. Пизарро послал священника, чтобы убедить Инку принять христианство и власть Карла V. Атаульпа отверг и христианство, и суверенитет испанцев, и после изучения библии, предлощенной священником, бросил ее на землю. Пизарро бросился в атаку, уничтожая инков со всех сторон, и самолично захватил Атаульпу. Атаульпа был оставлен как заложник и не смог освободиться, даже предложив наполнить камеру, в которой он содержался, золотом и серебром. Атаульпа был убит 29 августа 1533. Получив известие о смерти Атаульпы, армии инков отступили от города, который они окружали и Пизарро продвинулся к Кузке (Сигзо), императорской столице, которую он занял без боя в ноябре 1533.

Мы видим, поэтому, что условия успешного утверждения мировой империи таковы, что нам вряд ли стоит принимать подобный тип объединения как практически возможный. То, что кто-то может снова попробовать установить ее, — возможно; однако можно предсказать и провал подобной попытки. В то же время, нам нужно принять в расчет сюрпризы Природы, обширное поле неожиданного в ее обхождении с нами. Поэтому мы не можем провозгласить такой финал абсолютно невозможным. Напротив, если бы это было ее намерением, она внезапно или постепенно создала бы необходимые средства и условия. Но даже если бы ей суждено было состояться, империи, так созданной, пришлось бы бороться с таким множеством сил, что ее поддержание было бы более трудным, чем ее создание, и либо ее ранний коллапс вернул бы всю проблему для лучшего разрешения, либо, избавляясь от элементов силы и доминирования, которые вдохновляли ее попытку, она должна была бы войти в противоречие с сущностной целью своего великого усилия. Это, однако, относится к другой стороне нашего предмета, которую мы пока отложим в сторону. В настоящем мы можем сказать, что если постепенное объединение мира через рост великих гетерогенных империй, формирующих истинные психологические объединения, является лишь туманной и зачаточной возможностью, его объединение единственной мощной имперской доминирующей силой вышла или выходит из пределов возможного и может вернуться только новым неожиданным развитием бесконечных сюрпризов Природы.